

А. В. ГАНИН

ПЕРВЫЙ КРАСНЫЙ БОЕВОЙ ГЕНЕРАЛ:
ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ ПАРСКИЙ¹

Поздней осенью 1918 г. командующий Северным фронтом РСФСР бывший Генштаба генерал-лейтенант Дмитрий Павлович Парский пребывал в подавленном настроении. И дело вовсе не в осенней погоде. Над головой седого генштабиста сгущались совсем иные тучи. Самого себя Парский считал добросовестным советским военным работником, однако то в одном, то в другом случае он, руководствуясь самыми благими намерениями, допускал столь непростительные ошибки, что в конце концов оказался под подозрением у большевистских комиссаров — представителей новой власти в Красной армии. Нелояльность царского генерала вполне могла в 1918-м году стоить ему жизни. Самым неприятным было то, что сразу многие недочеты Парского вскрылись в сравнительно короткий промежуток времени октября — ноября 1918 г., что, несомненно, увеличивало тяжесть обвинений². Кем же был генерал Парский? И как он оказался в руководстве РККА?

Д. П. Парский родился 10 октября 1866 г. в дворянской семье Тульской губернии. Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус, 2-е Константиновское военное училище, Никола-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

² РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33.

евскую академию Генерального штаба по 1-му разряду в 1893 г. Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах³. Два

³ Краткие сведения о жизненном и служебном пути Парского по материалам его послужного списка и других источников следующие: Парский Дмитрий Павлович (17.10.1866 (в «Списках Генерального штаба» указана дата рождения — 10.10.1866) — 20.12.1921) — из потомственных дворян Тульской губернии. Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус (1884), 2-е военное Константиновское училище по 1-му разряду (1886) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1893). Подпоручик (Высочайший приказ 11.08.1886 со ст. с 07.08.1885). Поручик (Высочайший приказ 01.04.1890 со ст. с 07.08.1889). Штабс-капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 20.05.1893). Капитан (за выслугу лет, Высочайший приказ 02.04.1895). Подполковник (Высочайший приказ 09.04.1900). Полковник (Высочайший приказ 28.03.1904). Генерал-майор (со ст. с 17.06.1910). Генерал-лейтенант (за боевые отличия, Высочайший приказ 16.05.1915 со ст. с 31.01.1915). В службу вступил по окончании полного курса наук в Орловском Бахтина кадетском корпусе, во 2-е военное Константиновское училище юнкером рядового звания (01.09.1884). Унтер-офицер (08.09.1885). В 46-м пехотном Днепровском полку. Прибыл и зачислен (19.09.1886). Жалонерный офицер (30.09.1888). Командирован в штаб Киевского военного округа для держания предварительного испытания в Николаевскую академию Генерального штаба (02.07.1889). Не прибывая в полк, командирован в Николаевскую академию Генерального штаба для держания вступительного экзамена (01.08.1889). Прибыл в полк как не выдержавший вступительного экзамена (10.10.1889). Командирован в штаб Киевского военного округа для держания предварительного испытания в Николаевскую академию Генерального штаба (28.06.1890). Не прибывая в полк, командирован в академию для держания вступительного экзамена (11.08.1890). Зачислен (13.10.1890). Приказом по Генеральному штабу № 64 по окончании курса наук причислен к Генштабу и назначен на службу в Киевский военный округ (25.05.1893). Прибыл в штаб округа (15.06.1893). Назначен в общий и подвижной сборы войск Межибужского лагеря (25.06.1893). Командирован на специально-кавалерийскую поездку со строевыми офицерами 12-й кавалерийской дивизии (21.06.1893). По окончании поездки прибыл на общий сбор при м. Межибужье (05.08.1893). Возвратился из подвижного сбора (24.08.1893). Прикомандирован к штабу Киевской крепости по надобностям службы (14.02.1894). Отправился к месту командирования (22.02.1894). Старший адъютант штаба 34-й пехотной дивизии (Высочайший приказ 30.04.1894). Переведен в Генеральный штаб (27.09.1895). Отправился и прибыл (28.05–30.05.1894). Командирован на полевую поездку со строевыми офицерами VII армейского корпуса (29.06–15.07.1894). В полевой поездке со строевыми офицерами VII армейского корпуса (29.06–14.07.1895). Обер-офицер для особых поручений при штабе VII армейского корпуса (Высочайший приказ 21.08.1895). Прикомандирован к 133-му пехотному Симферопольскому полку для годичного командования ротой (05.09.1895). Отправился и прибыл (29.09.1895). Принял на законном основании 1-ю роту (05.10.1895). В полевой поездке со строевыми офицерами VII армейского корпуса (28.06–15.07.1896). Сдал

роту (05.10.1896). Отправился к месту постоянного служения (07.10.1895). Прибыл в штаб VII армейского корпуса (15.10.1895). Старший адъютант штаба VII армейского корпуса (Высочайший приказ 11.11.1896–30.11.1899). В полевой поездке со строевыми офицерами VII армейского корпуса (28.06–13.07.1897). В полевой поездке офицеров Генерального штаба в Бессарабии (13.09–04.10.1897). Обер-офицер для особых поручений при штабе VII армейского корпуса (Высочайший приказ 27.08.1899). В полевой поездке со строевыми офицерами VII армейского корпуса (30.06–13.07.1899). В полевой поездке офицеров Генерального штаба в Крыму (09–30.09.1899). И. д. штаб-офицера для поручений при штабе Одесского военного округа (Высочайший приказ 16.03.1900, утв. 09.04.1900). Прибыл (23.06.1900). В Феодосии для участия в полевой поездке строевых офицеров VII армейского корпуса (28.06–14.07.1900). В Бендерах (22–23.08.1900). Старший адъютант штаба Одесского военного округа (Высочайший приказ 12.10.1900). В командировке для сопровождения кавказских новобранцев в Батуме в качестве начальника эшелона (11–12.11.1900). В заграничной командировке (03–17.06.1901). В Тирасполе (27–28.06.1900). В Очакове (05–08.07.1901). В Севастополе для присутствия на десантном маневре (03–09.09.1901). В Очакове и Николаеве (12–13.09.1901). В Севастополе для присутствия на артиллерийском опыте (18–23.09.1901). В Севастополе и Евпатории (26.02–11.03.1902). В Очакове (14–16.05.1902). В Тирасполе (31.05–03.06.1902). В Курске на больших маневрах в Высочайшем присутствии (25.08–18.09.1902). На полевой поездке в Бессарабию (06–28.10.1902). Командовал батальоном в 11-м пехотном Псковском полку (31.05–10.10.1903). Отчислен от занимаемой должности с прикомандированием для производства статистических работ к штабу Одесского военного округа (Высочайшее повеление 12.12.1903). В Петербурге для заказа карт округа для статистического описания (25.03–04.04.1903). В Севастополе для сопровождения командующего войсками (15–18.05.1903). В Петербурге для участия в комиссии по выработке программы празднования юбилея Севастопольской обороны (15.12.1903–13.01.1904). В Тирасполе для сопровождения командующего войсками округа (18–20.02.1904), там же для сопровождения помощника командующего (14–18.03.1904). В Севастополе, Бахчисарае, Ялте и Феодосии для сопровождения командующего войсками округа (15–18.04.1904). В полевой поездке офицеров Генштаба штаба Одесского военного округа (09–29.05.1904; 24.06–15.07.1904). Участник Русско-японской войны (28.11.1904–17.06.1905). Старший адъютант штаба 3-й Маньчжурской армии (Высочайший приказ 06.11.1904). Отправился и прибыл (11.11.1904). Переехал границу Маньчжурии (28.11.1904). Участвовал в 15-дневном бою под Мукденом и в отходе из-под Мукдена к Сыпингайской позиции (12–27.02.1905). В командировках: на рекогносцировке района от Большой Юшитайской дороги до р. Ляохе на запад и параллели впадения р. Чаосунтайхе в р. Дальяхе на юге (21–28.03.1905). На рекогносцировке подступов к позиции, укрепляемой на линии Тауминтунь — Тайпиншань (21–26.05.1905). Для выбора рекогносцировок тыловых позиций на правом фланге боевого расположения армии (31.05–06.06.1905). Находясь в отпуску по болезни, отчислен приказом главнокомандующего № 1663 от занимаемой должности с сохранением содержания и прикомандированием к Главному

штабу (13.08.1905). Отчислен от должности старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии по болезни с прикомандированием к Главному штабу (02.10.1905). Срок прикомандирования определен не свыше года и 6 месяцев с производством из сумм интендантства денежного довольствия по правилам, существующим для эвакуированных (Высочайшее повеление 27.09.1905). Прикомандирован к ГУГШ (Высочайшее соизволение 27.06.1906) с откомандированием от Главного штаба. Делопроизводитель ГУГШ (Высочайший приказ 07.08.1906). Назначен в часть 2-го обер-квартирмейстера (17.08.1906). Вр. и. д. 2-го обер-квартирмейстера (17.08.1906–12.04.1907). Командир 140-го пехотного Зарайского полка (Высочайший приказ 17.03.1908). Отправился и прибыл (17–19.04.1908). Командирован в Москву в штаб округа для участия в военной игре (23.11–05.12.1908). Временно командующий 2-й бригадой 35-й пехотной дивизии (19–26.04.1909). Находился на охране линии Московско-Курской железной дороги во время Высочайшего проезда (22–28.08.1909). В бытность командиром 140-го пехотного Зарайского полка находился на охране с полком во время Высочайшего проезда (15–22.12.1909). Командирован в Рязань в штаб 35-й пехотной дивизии для участия в военной игре (24–30.01.1910). Командирован в дивизионную полевую поездку (26.05–06.06.1910). Генерал-майор (за отличие по службе, Высочайший приказ 17.06.1910) с назначением командиром 2-й бригады 46-й пехотной дивизии и с зачислением по армейской пехоте. Отправился к новому месту служения (29.06.1910). Прибыл к месту служения (01.07.1910). Временно командовал 46-й пехотной дивизией (08–14.05.1911). В командировке в Старице (18–28.08.1910) по распоряжению временно командующего корпусом. Председатель поверочной мобилизационной комиссии в Москве (26.03–05.04.1911). В комиссии по проверке неприкосновенных запасов 46-й артиллерийской бригады (15–30.10.1911). Временно командовал 46-й пехотной дивизией (07–15.03, 13–23.04.1912). В корпусной полевой поездке XXV армейского корпуса в районе станции Внуково Московской губернии (24.04–05.05.1912). Участвовал в охране пути Северной ж. д. при проезде их императорских величеств (24.05–04.06.1912). Командирован в с. Клементьево Московской губернии на артиллерийский полигон для ознакомления с условиями боевой стрельбы артиллерии и ее материальной частью (10.06–12.07.1912). Участвовал в военной игре в штабе XXV армейского корпуса (27.01–03.02.1913). Участвовал в военной игре старших начальников в штабе XXV армейского корпуса (26.02–07.03.1913), в военной игре офицеров Генерального штаба в штабе Московского военного округа (30.03–07.04.1913). Командирован в штаб XXV армейского корпуса для участия в заседании по обсуждению подробностей парадов в Высочайшем присутствии при посещении Их Императорскими Величествами Костромы (19–21.04.1913). Командирован в Москву для выполнения возложенного на него временно командующим XXV армейским корпусом поручения (14–24.09.1913). В военной игре при штабе XXV армейского корпуса (21–25.01.1914). В военной игре старших войсковых начальников при штабе Московского военного округа (17–27.02.1914). В корпусной полевой поездке в районе Москва — Звенигород — Можайск — Волоколамск (20–29.04.1914). Участник Первой мировой войны. Командир 2-й бригады 46-й пехотной дивизии. Временно командовал 46-й пехотной дивизией (23.06–14.07.1914).

Выступил в поход (02.08.1914). Прибыл на театр военных действий (05.08.1914). Вступил в пределы Австро-Венгрии (02.09.1914). Временно командующий 80-й пехотной дивизией (назначен командующим 9-й армией 22.01.1915). Отправился (26.01.1915). Временно командующий 80-й пехотной дивизией. В резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 09.08.1915). Начальник 55-й пехотной дивизии (с 17.10.1915). Командир Гренадерского корпуса (с 20.02.1916). Командующий 12-й армией (с 20.07.1917). Командующий 3-й армией (с 09.09.1917 до демобилизации). Арестован (19–21.11.1917). Участник Гражданской войны. С 26.02.1918 добровольно на службе в РККА. Начальник Нарвского отряда обороны завесы (с 03.1918). Военный руководитель Ямбургского отряда завесы. Военный руководитель Гатчинского округа. Начальник Гатчинской дивизии. Военный руководитель Северного участка отрядов завесы (26.05–08.08.1918). Ответственный редактор Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (с 09.1918). Командующий армиями Северного фронта (15.09–26.11.1918). Арестован (на 11.1918). Ответственный редактор журнала «Военное дело». В комиссии по разработке уставов при организационном управлении Всероссийского главного штаба (с 22.06.1919), председатель. Член комиссии при РВСР по составлению Положения о полевом управлении войск в военное время (с 10.11.1919). Член Особого совещания при главнокомандующем (1920). Умер от тифа в Москве. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (Высочайший приказ 24.02.1896), Св. Анны 3-й ст. (Высочайший приказ 1899), Св. Станислава 2-й ст. (Высочайший приказ 06.12.1903), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (Приказ главнокомандующего № 750 от 10.05.1905 за отличия в делах против японцев; утв. — Высочайший приказ 23.04.1906), Св. Анны 2-й ст. с мечами (Приказ командующего 3-й Маньчжурской армией № 194 от 24.06.1905 за отличия в делах против японцев; утв. — Высочайший приказ 22.03.1906), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1909), Св. Станислава 1-й ст. (Высочайший приказ 06.12.1913), Св. Анны 1-й ст. с мечами (Высочайший приказ 04.01.1915, пожалован 28.12.1914), Св. Владимира 2-й ст. с мечами, Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 02.06.1915), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 25.04.1916), серебряная медаль в память царствования императора Александра III, светло-бронзовая медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (за участие в Высочайшем смотру под Москвой — 26.08.1912), светло-бронзовая медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых (21.02.1913). Женат первым браком на дочери коллежского секретаря, девице Елизавете Николаевне Ясинской. Дети: Наталия (02.08.1894), Анатолий (23.07.1895), Александр (18.08.1900). Соч.: Памятники Севастопольской обороны. Одесса, 1901; Севастополь и памятники его обороны. Одесса, 1902, 1903; Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.). Стоянка на Шахэ, Мукденский погром, Сыпингайские позиции. СПб., 1906; Причины наших неудач в войне с Японией: Необходимые реформы в армии. СПб., 1906; Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908; Боевая подготовка нашего солдата. Современное ее положение, главные недостатки и тормозы, насущные нужды и необходимые изменения. СПб., 1912 (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 90–926. Послужной список на февраль 1915 г.).

брата Парского Михаил и Павел погибли в Маньчжурии под Ляояном и Мукденом соответственно. Их памяти, а также памяти всех павших на поле чести он посвятил книгу «Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.)» (СПб., 1906).

Парский был храбрым боевым офицером. Несмотря на кратковременность своего участия в русско-японской войне (приехал в Маньчжурию в декабре 1904 г., по болезни эвакуировался в Россию во второй половине июня 1905 г.⁴), он сумел там проявить себя с лучшей стороны. Еще в сражении под Мукденом 25 февраля 1905 г. он «при отходе армии от Мукдена с хладнокровием и спокойствием под огнем неприятеля собирал отступавших в команды и вводил их в боевую линию для прикрытия артиллерии, ведшей бой с неприятелем, занимавшим высоты близ дер. Тава. Спокойно и разумно выполнял поручения под огнем»⁵. За этот подвиг Парский был отмечен орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Как позднее отмечал он сам, «мне приходилось бывать в боях под артиллерийским и ружейным огнем в течение как до мукденских боев, так и во время их, особенно в день 25-го февраля... в боях 25-го февраля 1905 г... мне приходилось по-сильно устраивать отходившие под ружейным и артиллерийским огнем войска, собирать их и располагать на позициях, совместно с бывшим генерал-квартирмейстером 3-й армии, генерал-майором (ныне — генерал-лейтенант) Алексеевым...»⁶. Домой из Маньчжурии Парский направлял по-военному краткие телеграммы, в основном следующего содержания: «Здоров. Благополучен. Парский»⁷.

Помимо образцового несения военной службы Парский был известным и популярным до революции военным мыслителем, военным историком и публицистом. Большую популярность получила его работа «Севастополь и памятники его обороны», выдержавшая несколько изданий и даже распространявшаяся в обязательном порядке по всем частям Одесского военного округа, а помощник начальника штаба округа Генштаба генерал-майор Э. В. Экк призывал офицеров Генштаба составлять аналогичные путеводители по другим городам округа, имевшим военно-историческое про-

⁴ Парский Д. Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.). СПб., 1906. С. 7.

⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 90–926. Л. 16 об. — 17.

⁶ Там же. Л. 14 — 14 об.

⁷ РГВИА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.

шлое⁸. Отец Парского и два его дяди были участниками севастопольской обороны, чем и объяснялся интерес офицера к Крымской войне в целом и к этим событиям в частности. Книга Парского продавалась в музее севастопольской обороны, за четыре года удалось реализовать 115 экземпляров⁹.

Однако более интересны работы Парского, посвященные реформированию русской армии. Оценивая итоги русско-японской войны, Парский с горечью писал: «Да, безотрадны воспоминания о минувшей войне: сплошной, беспросветный мрак неудач, постоянное торжество неприятеля и огромные напрасные жертвы — все это больно и обидно отзывается на сердце; не хочется и вспоминать»¹⁰.

Как впоследствии свидетельствовал генштабист В. Ф. Новицкий, «наши неудачи в Маньчжурии не могли не оставить глубокого следа в отзывчивой, впечатлительной натуре Д. П.; вдумчивый, склонный к анализу окружавшей его жизни, он не мог пройти мимо этих печальных явлений, не задумавшись над их происхождением и над их вероятными последствиями; неожиданное разочарование, постигшее его в том деле, которому он отдавался всей душой, поразительный контраст между внешним могуществом наших вооруженных сил и безнадежной их внутренней слабостью, между широтой поставленных им задач и отсутствием военного искусства для выполнения их, — все это волновало его, раздражало его мысль, побуждало его искать путей для выхода из этого печального положения»¹¹.

Не удивительно, что после неудачной русско-японской войны Парский проявил себя как резкий критик слабых сторон русской армии. Воспринимая армию как часть народа, Парский выступал за преобразования в стране и в армии. В своих трудах он обрушивался на бюрократизм и привилегии, карьеризм генштабистов¹², критиковал их слабую подготовленность. Парский отмечал, что в России не было единого Генерального штаба, а были пехотный,

⁸ РГВИА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 14. Л. 18, 38, 39.

⁹ Музей забирал себе 10 %, оплачивал работу продавца и почтовые расходы на высылку денег (Там же. Л. 18–18об.).

¹⁰ Парский Д. Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.). СПб., 1906. С. 5.

¹¹ Новицкий В. Памяти Д. П. Парского // Военная наука и революция. Военно-научный журнал. 1922. Кн. 1. С. 190–191.

¹² Парский Д. Причины наших неудач в войне с Японией. Необходимые реформы в армии. СПб., 1906. С. 9, 11, 21.

кавалерийский, не хватало только артиллерийского¹³, так как офицеры разных родов войск не знали других специальностей и тянули Генштаб каждый в свою сторону. В одной из работ он писал: «Внимательное исследование причин наших неудач в последнюю (русско-японскую. — *А. Г.*) войну должно привести к заключению, что они обуславливались не свойствами народа и даже не качествами армии, а, главным образом, государственным строем и укладом; в этом отношении мы были уже давно и серьезно нездоровы, что отзывалось решительно на всем... Несомненно, много было и чисто военных промахов, но, всматриваясь ближе, нельзя не заметить, что они являлись только плотью от плоти нашего государственного уклада»¹⁴. Подобные мысли были не только оригинальны, но и достаточно радикальны для офицера старого Генерального штаба. Более того, Парский писал о том, что стране нужен «демократизм в реформах, общих и военных, как вполне отвечающий нашему национальному складу и духу»¹⁵. Под демократизмом Парский понимал «отмену всяких исключительных, ничем не оправдываемых в настоящее время привилегий и постановку всех в одинаковые условия перед законом»¹⁶.

Работа «Что нужно нашей армии?», по мнению В. Ф. Новицкого, являлась «одним из лучших произведений такого рода (среди работ Парского. — *А. Г.*)», отражала все его «лучшие стремления и надежды..., касавшиеся переустройства наших вооруженных сил на новых началах. Эта брошюра была замечена в высших кругах военного ведомства и произвела там значительное впечатление. Начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын потребовал к себе Д. П. и в продолжительной беседе с ним исповедывал его, желая себе уяснить, чего именно добивается автор и как следует понимать пожелания его брошюры. Д. П. со свойственной ему прямою и искренностью давал объяснения, расшифровывая свои намеки, сообщая то, что нужно было читать между строк, вообще называл вещи своими собственными именами. Мне доподлинно известно, что эта исповедь произвела сильное впечатление на Палицына; и, конечно, счастьем было для Д. П., что начальником Генерального штаба был не кто-либо другой, а именно Палицын, хотя и царедворец и деятель реакционного лагеря, но человек несомненно умный,

¹³ РГВИА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 28. Л. 20а об.

¹⁴ Парский Д. Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908. С. 1.

¹⁵ Там же. С. 332.

¹⁶ Там же.

гуманный, не стоявший на той точке зрения, что офицеры Генерального штаба должны быть черносотенцами прежде всего. При ином начальнике Генерального штаба не сдобровать бы покойному (Парскому. — *А. Г.*)...»¹⁷.

В другой книге Парский отмечал: «Все мы выросли под режимом запрета и стеснений, а потому многим, быть может, покажется неудобным прибегать к услугам печати»¹⁸. Тем не менее Парский осмелился изложить все наблевшее в своих трудах. В работах, написанных после русско-японской войны, Парский предстает как сторонник конституционной монархии и парламентаризма, веривший в народное представительство. Парский высказывался в пользу демократических реформ в стране и в армии, социальной справедливости, равенства классов, помощи обездоленному простому народу, упразднения сословий и сословных привилегий, за предоставление населению широких возможностей получить образование. Неудивительно, что в 1918 г. Парский примкнул к большевикам.

Писал он и о необходимости контроля за исполнительной властью, борьбы с протекционизмом, равенства народов Российской империи, о том, что вера в российском обществе выродилась в обрядность. В то же время Парский не принимал партийность, политиканство, гиперкритицизм оппозиции, разнузданность в обстановке ослабления власти, центробежные тенденции на окраинах, считал недопустимым доминирование партийной борьбы над патриотизмом и интересами страны¹⁹.

Некоторые высказывания Парского сохраняют актуальность и спустя столетие: «Как известно, у нас и до сих пор на первом плане везде и всюду стоят связи, знакомства, поощряется преимущественно безличность, угодливость и легкость в общении; талант и способность пробиваются только случайно, а такие качества как идейность, твердость характера и убеждений, инициатива, настолько не поощряются, что обладатели их часто почитаются лишь «неудобными» и «беспокойными». Поэтому-то у нас люди недюжинные обыкновенно выкидываются или затираются, а вверх, к власти и почету, сытой привольной жизни ползет преимущественно знатное, ловкое или бесцветное и, в свою очередь, тянет за собой таких же. Естественно, что и выбор лиц на высшие

¹⁷ Новицкий В. Памяти Д. П. Парского. С. 191.

¹⁸ Парский Д. Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.). СПб., 1906. С. 5–6.

¹⁹ Парский Д. Что нужно нашей армии? С. 10.

ответственные должности государственного значения делается, минуя широкие слои общества, почти исключительно из определенного круга высших классов и бюрократии»²⁰.

До манифеста 17 октября 1905 г., по мнению Парского, «мы были поставлены в крайне тяжелые условия для развития общест-венности — печать была придавлена, а ко всем делам и начина-ниям, не исходившим сверху, власть относилась ревниво и подо-зрительно. Вследствие этого открытых общественных стремлений не могло и быть; если же они, несмотря на запрет и удержива-лись, то только в немногих кругах, да в подполье, причем в по-следнем вырождались уже в ненависть к существующему строю и зачастую приобретали отвратительный характер разрушения. Преследуя общественность, под которой понималось чуть не вся-кое стремление к выходу из тяжелого положения, правительство по истине являлось слепой угрозой всему нарождающемуся и, наряду с действительно вредными проявлениями ее, несомненно, глушило и много полезных»²¹.

Парский выступал за повышение образовательного уровня как солдат, так и офицеров, нравственное возрождение армии, повышение финансирования вооруженных сил при некотором контроле народного представительства за военным бюджетом, как следствие этого повышение популярности военной службы, расширение социальной базы офицерского состава в резуль-тате уравнивания прав сословий, развитие инициативы, большее доверие солдат к офицерам, развитие военной печати²². Помимо этих общих суждений Парский составил целый том предложений конкретного характера по реформированию различных сторон военной службы.

Объясняя причины выхода своего труда, Парский отмечал: «Да не подумает кто-либо, что при изложении всего этого мною руководили какие-либо личные расчеты, недовольство сложив-шейся судьбой и т. д.

Основной причиной появления моего труда является искрен-нее стремление послужить нашей армии в трудное для нее время и принести ей посильную пользу.

Глубокое чувство горечи и негодования по поводу наших по-следних неудач, жажда лучшего и светлого и сознание грядущих бед, — заставили меня высказаться с полной откровенностью,

²⁰ Там же. С. 5–6.

²¹ Там же. С. 7.

²² Там же. С. 17–22.

не замалчивая своих недостатков. Я считал это своим святым долгом и убежден, что в искренности, правдивости и цельности мне не откажут и те читатели, которые не разделят моих мыслей.

Конечно, неизмеримо легче говорить и проектировать что-либо, нежели работать над постепенным проведением реформ в жизнь. Но, разве, не естественно искать выходов к лучшему из современного тяжкого положения? Неужели же ждать большего позора и полного разложения?

Я хорошо сознаю, что нельзя сделать всего сразу, с одного маху; для проведения реформы, прежде всего, нужно время и мудрая постепенность. Несомненно, мы встретимся при этом со многими неудобствами, с которыми, быть может, трудно будет мириться первое время, но из этого еще не следует, что все должно оставаться по-старому. Пройдет время, вырастут и культивируются новые понятия и странным предубеждением покажется многое из нашего настоящего. И я глубоко уверен, что уже одно намерение вступить на новый путь и первые, хотя бы и не совсем удачные, в этом направлении шаги будут оценены по достоинству лучшей частью нашего военного общества»²³.

Завершал свою книгу Парский следующими словами: «Будем верить, что наш народ и детище его — армия, собравшие Русь в могучую державу, найдут в себе силы возродиться и явятся в будущем такими же, как были и встарь — великими и славными.

Пусть же каждый из нас приложит свой труд к этому святому делу и тем поможет нашей многострадальной родине!»²⁴

Но Парский занимался не только публицистикой, в период своей службы в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) в 1906–1908 гг. он пытался применять свои знания на пользу армии и иными способами. Перу Парского принадлежала докладная записка от 15 декабря 1906 г. об организации ГУГШ²⁵. Разрабатывал он и предложения по реорганизации службы офицеров Генерального штаба. По мнению Парского, «направление службы нашего Генерального штаба совершенно не соответствует его назначению в армии вообще: наши офицеры заняты делом, по существу им чуждым, не дающим возможности совершенствоваться и практиковаться в своем деле, наоборот, заставляющим их отвлекать и опускаться»²⁶. В одном из документов Парский от-

²³ Там же. С. 330–331.

²⁴ Там же. С. 333.

²⁵ РГВИА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 20.

мечал: «Нездоровый, сидячий образ жизни, постоянное корпение над мелочными бумагами, отсутствие возможности совершенствовать себя в военных познаниях, невозможность следить за военной наукой и литературой и применять знания на практике, наконец, отвычка ездить верхом и заметное ослабление военного глазомера в поле — вот каковы результаты первоначальной службы большинства наших офицеров Генерального штаба. Все это способствует тому, что в офицере начинают гложуть зачатки офицера Генерального штаба и преобладать нежелательные привычки офицера-чиновника»²⁷. В качестве предложения Парский считал необходимым разгрузить генштабистов от канцелярщины. Будущий генерал полагал, что «сплошь почти канцелярская деятельность, прерываемая лишь годичным командованием ротой (эскадрой) и еще более коротким прикомандированием к строю в штаб-офицерских чинах, приводит к тому, что офицер Генерального штаба отвыкает от службы Генерального штаба и зачастую утрачивает способность к полевой деятельности»²⁸. В качестве образца организации Генерального штаба Парский ориентировался на немецкий опыт.

По свидетельству сослуживца Парского по ГУГШ В. Ф. Новицкого, Парский «стал в ряды нашего передового, либерального офицерства, выделившего из себя в то время сильную группу, создавшую военно-революционный орган «Военный голос». Собственно говоря, Д. П. фактически не входил в состав какого-либо кружка или партии, оставаясь беспартийным, но по духу своих идей, своих надежд и стремлений он близко примыкал к создателям и руководителям «Военного голоса», считавшим, что армия и флот, являющиеся костью от кости и плотью от плоти русского народа, не могут стоять вне того движения, которое охватило в то время Россию, и должны подвергнуться коренным реформам соответственно изменению политического и социального устройства страны»²⁹. Следует отметить, что издававшаяся в 1906 г. газета «Военный голос» стала первым независимым от военного ведомства органом, освещавшим жизнь армии и флота и призывавшим к реформам в армии. С газетой активно сотрудничали генштабисты В. Ф. Новицкий и П. А. Режепо. Издателем и редактором был корнет запаса В. К. Шнеур. В сентябре 1906 г. по требованию военного министра А. Ф. Редигера газета была

²⁷ Там же. Л. 18об.

²⁸ Там же. Л. 19об.

²⁹ Новицкий В. Памяти Д. П. Парского. С. 191.

закрыта. Следует отметить, что даже либерально настроенные офицеры воспринимали это издание неоднозначно. Как вспоминал генерал А. И. Деникин, «представляя извращенное отражение армейских настроений, «Военный голос», отодвинув военные реформы на задний план, первое место отводил демагогии и широкому политиканству. Правительство, придя в себя, закрыло газету Шнеура, в связи с чем пострадало и несколько горячих голов — случайных сотрудников ее»³⁰.

Получив в командование полк, Парский не оторвался от военно-научной жизни. По оценке В. Ф. Новицкого, «в этой армейской среде он пришелся как нельзя более кстати со своими гуманными взглядами, со своей заботливостью о меньшем брате, со своими разумными требованиями, касающимися дисциплины, и уважением к личности человека, хотя бы таковой и был облечен в серую шинель рядового солдата»³¹. Подобное отношение порождало ответную любовь и уважение к демократичному командиру. Впоследствии Парский, уже опираясь на свой фронтной опыт, отмечал: «В боевом обиходе на первом месте везде и всюду стоит человек и его природные душевные свойства, соответственным образом развитые, направленные и примененные к делу»³².

В Первую мировую войну Парский командовал второй бригадой 46-й пехотной дивизии, 80-й и 55-й пехотными дивизиями, Гренадерским корпусом, 12-й и 3-й армиями. Таким образом, он прошел все ступени командования от бригады до армии. Что интересно, генштабист Парский в мировую войну не служил на штабных должностях. Впоследствии Парский критически оценивал организацию управления русскими войсками в Первую мировую войну³³.

Парский состоял в переписке с генералом М. В. Алексеевым — начальником штаба армий Юго-Западного фронта, а впоследствии начальником штаба Ставки Верховного главнокоман-

³⁰ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 214–215.

³¹ Новицкий В. Памяти Д. П. Парского. С. 192.

³² Парский Д. К вопросу о подготовке и ведении пешей разведки // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. Вып. 2. М., 1919. С. 171.

³³ Парский Д. Бой 2 бригады 46 пех. дивизии с австрийцами у Веленче, Михалева (Бодачева) 13/26 августа 1914 года (Составлено по сохранившимся документам, по личным воспоминаниям офицеров бригады) // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. Вып. 1. М., 1919. С. 67.

дующего. Алексеева он знал на протяжении многих лет³⁴. Письма Парского к Алексееву в основном касались вопросов назначения Парского на командные посты. Так, 6 января 1915 г. он просил Алексеева назначить его на должность начальника 46-й пехотной дивизии, с которой сжился, ранее командуя бригадой этой дивизии. В том же письме Парский отмечал, что в мирное время и дважды в военное отказывался от должностей по Генеральному штабу, предпочитая остаться в строю³⁵.

За храбрость Парский был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Формулировка Высочайшего приказа была следующей: «За то, что, будучи командиром 2-й бригады 46-й пехотной дивизии, предводительствуя лично войсками левого боевого участка 46-й пехотной дивизии, в ночном бою с 11 на 12-е ноября 1914 года у Прошовице-Плавовице, находясь под сильным и действительным огнем противника, оказывавшего сильное сопротивление, оценил обстановку и принял решение обойти его фланг, атаковал его, захватил после упорного боя и удержал такой важный пункт неприятельского расположения, что с занятием его сражение приняло решительный оборот в нашу пользу. Таким образом, генерал-майор Парский способствовал своими действиями победоносному успеху всей дивизии, ибо без этих действий невозможен был бы упомянутый успех. При этом было взято в плен: 2 командира полка, 21 офицер, 1309 нижних чинов и захвачено 11 действующих пулеметов»³⁶.

По итогам Прутской операции он был награжден Георгиевским оружием «за то, что, состоя начальником 80-й пехотной дивизии, получил задачу форсировать р. Прут на участке Ланчин Тлумачек и овладеть весьма сильной по местным условиям позицией противника за этой рекой. В течение 20 и 21 мая 1915 года задача эта была блестяще выполнена, противнику нанесено решительное поражение, взято в плен 60 офицеров, 1500 нижних чинов, захвачено 10 пулеметов и 3 горных орудия. Генерал Парский лично произвел необходимые рекогносцировки, а впоследствии руководил боем, находясь под действительным огнем противника»³⁷. В ходе боев в Карпатах, на Пруте и при

³⁴ РГВИА. Ф. 55. Оп. 5. Д. 2. Л. 43.

³⁵ Там же. Л. 42.

³⁶ Высочайший приказ 02.06.1915.

³⁷ Высочайший приказ 25.04.1916. Подробнее о Прутской операции см.: Парский Д. Операция частей XXX армейского корпуса на Пруте и в предгорьях Карпат между Делятин — Коломыя 19–24 мая / 1–6 июня 1915 года (Прутская операция) (Составлено по кратким заметкам и воспоминаниям) // Воен-

дальнейшем отступлении дивизия Парского понесла тяжелые потери — более трех четвертей первоначального боевого состава³⁸. В полках оставалось от двух до четырех кадровых офицеров.

Сохранилось описание штаба Гренадерского корпуса летом 1916 г., оставленное товарищем Парского В. Ф. Новицким: «Я помню, какое приятное впечатление произвела на меня та простая, товарищеская обстановка, которую я застал в штабе корпуса, те сердечные отношения, которые установились между всеми чинами штаба, то бросавшееся в глаза моральное воздействие, которое оказывал на своих ближайших сотрудников командир корпуса. Особенно памятен мне разговор с Д. П. относительно предстоявших нам боевых действий, разговор, в котором он обнаружил и верность военного взгляда, и широкое понимание обстановки, и глубокое проникновение в условия походно-боевого быта войск, и душевную боль за участь вверенных нам человеческих жизней...»³⁹.

Генерал отличался требовательностью в подборе ближайших сотрудников. Так, например, 17 сентября 1916 г. он протестовал перед Ставкой в связи с назначением начальником штаба его Гренадерского корпуса Генштаба генерал-майора М. С. Галкина: «Галкина я знаю очень давно, еще тогда, когда он был причисленным к Генеральному штабу и был временным моим помощником. Это — человек весьма способный, энергичный и подвижной, но — весьма легкомысленный, а главное, — с недостаточно крепкими нравственными устоями.

Смолоду был с ним хорош, в приятельских отношениях, но, узнав его хорошо, изменил свое о нем мнение по существу; если же наружно и теперь остался с ним хорош, то только потому, что как-то неловко было изменять их ради старого знакомого.

С таким помощником, да еще в роли начальника штаба, — никогда нельзя быть спокойным, что все будет сделано основательно и солидно. Доверия к нему иметь не могу...»⁴⁰.

После февральской революции генерал смог встроиться в новую систему и найти общий язык с солдатами, чему способ-

но-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. Вып. 3. М., 1919 [1920]. С. 43–63.

³⁸ Парский Д. Отступление 80 пех. дивизии от Прута к Днестру в конце мая (в начале июня) 1915 г. (Составлено по сохранившимся документам и воспоминаниям) // Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып. 4. М., 1920 [1921]. С. 41.

³⁹ Новицкий В. Памяти Д. П. Парского. С. 192.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1306. Л. 116об.–117.

ствовали его либеральные и, видимо, отчасти социалистические взгляды. Об этом красноречиво свидетельствовали документы. Например, 2 апреля Парского поздравила с Пасхой 2-я рота 10-го железнодорожного батальона⁴¹, а 21 мая 1917 г. солдаты 7-й роты 5-го гренадерского Киевского полка пригласили его на ротный праздник, причем приглашение начиналось словами: «Доброму нашему товарищу Господину Генералу Парскому»⁴². Солдаты действительно его любили и даже посвящали генералу неуклюжие стихи⁴³:

У генерала Парского
Одно было стремленье
В его речах всегда звучало ясно
Он нас звал всех к единенью

Взгляды Парского на общественно-политическую ситуацию весны 1917 г. изложены в его рапорте командиру 2-й армией от 7 мая 1917 г. В этом документе Парский отмечал: «Чудовищная быстрота в смене событий внутренней жизни страны, анархия, всюду, по-видимому, нарождающаяся и едва ли не ведущая к гибели родину, не могут проходить и не проходят бесследно и для войск... Настроение первых дней марта, которое смело можно характеризовать восторженностью и ликованием, прошло, сменившись новым, формулировать которое в настоящее время крайне затруднительно, — оно сложно, разнообразно и весьма неустойчиво. Приходится признать, что в общем войска как боевые воинские части, стоящие на страже внешней безопасности отечества, сильно ослабели. Возрождение на новых началах сказывается пока в массе почти исключительно в отрицательную сторону; крайне трудно сказать сейчас с уверенностью, скажется ли это в теперешней обстановке в более лучшую сторону.

Комитеты ротные, полковые и дивизионные работают и, нужно отдать справедливость, не бесплодно: они значительно содействуют объединению офицеров и солдат, предотвращают и улаживают разные инциденты, но все же пока оказать большую помощь не могут, так как сами еще не пользуются достаточным для сего авторитетом в массе и не всегда представляют ее собой по существу... склоняясь к обороне и признавая ее необходимой,

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 260. Л. 16.

⁴² Там же. Л. 15.

⁴³ Там же. Л. 18.

поневоле пока склонности к продолжению войны нет, и особенно к наступлению... Авторитет начальников значительно поколеблен вообще, и солдаты ясно видят, что не в их руках находится сила и власть. Настроение офицеров подавленное...

В общем, несмотря на крайнюю тяжесть переживаемого времени, всю затруднительность обстановки, в которой приходится работать, я не теряю известной уверенности в том, что в массе войска все же живы еще здоровые, более или менее, и трезвые взгляды и добросовестность. Наступать сейчас действительно нельзя... но обороняться войска будут»⁴⁴. Таким образом, Парский был очевидным сторонником твердой дисциплины и восстановления боеспособности армии для победы над врагом.

Когда Парский оставлял Гренадерский корпус, исполнительный комитет корпуса 18 июля 1917 г. поднес ему следующий прощальный адрес:

«Товарищ генерал!

Вы призваны на высший пост командования армией.

Тяжелую утрату несет в Вашем лице Гренадерский корпус. Широкая русская душа, сроднившаяся в огне пережитых боев с серым героем солдатом, доброе сердце, полнота знаний и боевой навык — притягивали к Вам каждого grenадера, искавшего помощи, указания, выручки.

С первых дней командования корпусом Вы указывали нам истинный смысл спайки в единую военную семью и Ваши тяжелые труды не прошли даром. Великий переворот мартовских дней не застал корпус среди распутия.

Зарождавшиеся организации несмело вступали на широкий революционный путь, но, встречая в Вашем отзывчивом сердце полную поддержку, быстро крепились, росли и если корпус чуть ли не первым начал организоваться, то прежде и больше всего мы обязаны этим Вам. Наш труд, труд выборных депутатов, наполовину сокращался, благодаря тому, что Вы всегда шли всемерно нам навстречу.

Всякий обращавшийся к Вам за советом, поддержкой, указанием — уходил удовлетворенным.

Вы покидаете Гренадерский корпус. Но имя Ваше навсегда глубоко врезалось в память каждого из нас.

Что ждет Вас на новом высоком посту? Не нужно долго задумываться, чтобы ответить на этот вопрос: твердо верим — та же

⁴⁴ Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917 года. Сб. док. М., 1968. С. 84–86.

любовь, то же уважение, то же доверие — какими Вас окружал Гренадерский корпус.

Счастливым же путь, дорогой товарищ!»⁴⁵

В тот же день дивизионные и полковые комитеты 5-й гренадерской дивизии выразили сожаление по поводу отъезда Парского. 1-й гренадерский Екатеринославский и 5-й гренадерский Киевский полки прислали благодарности. Полковой комитет 1-го гренадерского полка отмечал: «Солдаты и офицеры крепко помнят те простые и сердечные слова, ту любовь к русскому народу и глубокую думу о нем, с которыми в мрачных условиях старого режима пришли Вы к нам и которыми особенно разительно для нас, гренадер, показали, что авторитет и сила начальника не в грозном голосе и суровых репрессиях.

И этот образ начальника — товарища Вы принесли к нам тогда, когда само слово товарищ было крамолой...»⁴⁶.

С конца июля по начало сентября 1917 г. Парский командовал 12-й армией (сменил генерала Р. Д. Радко-Дмитриева), прикрывавшей Петроград и сильно пострадавшей от революционного разложения вследствие присутствия радикально настроенных латышских стрелковых частей. Назначение Парского, по всей видимости, произошло вследствие случайного стечения обстоятельств, т. к. в Ставке и на фронте его не знали⁴⁷. Товарищ Парского по кадетскому корпусу и академии генерал Е. А. Милоданович, встретившийся с ним 28 июля 1917 г., отмечал: «Теперь он имел вид совершенно большого человека»⁴⁸.

По свидетельству комиссара Северного фронта В. С. Войтинского, на одном из штабных совещаний «вновь назначенный командующим 12-й армией ген. Парский, еще не вступивший в исполнение своих обязанностей, был необычайно скромн, молчаливо жевал губами и внимательно слушал, что говорят другие»⁴⁹. На новом месте приходилось вникать и в политические дела. В частности, требовалось наладить отношения с Исполнительным комитетом Совета солдатских депутатов 12-й армии (Искосол), чем и занимались Парский с Войтинским, не рассчитывая на помощь армейского комиссара. По оценке Войтинского,

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 260. Л. 21–22.

⁴⁶ Там же. Л. 25–25об.

⁴⁷ Подробнее см.: Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920. С. 179.

⁴⁸ Милоданович Е. А. На Двине в 1915–1917 гг. // Военная быль (Париж). 1973. № 120. Январь. С. 17.

⁴⁹ Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 189.

«за это дело и принялись мы с ген. Парским, и к началу августа нам удалось, кажется, достичь некоторых результатов — машина 12-й армии стала работать ровнее, без перебоев»⁵⁰. По утверждению генерала А. М. Зайончковского, Парский даже объявил себя эсером⁵¹, однако подтверждений этому в нашем распоряжении не имеется.

Парский отрицательно относился к большевистской пропаганде в войсках. 4 августа 1917 г. он сообщал начальнику штаба фронта о том, что «главным тормозом в деле оздоровления армии являются газеты большевистского направления»⁵². Критиковал он и комитеты, которые «в большинстве случаев... авторитета не имеют и часто мешают работе командного состава»⁵³. В 17-м Сибирском стрелковом полку комитетчики призывали срывать с офицеров погоны и не исполнять приказы. Общая плачевная ситуация усугублялась присылкой пополнений из дезертиров, что имело самые пагубные последствия для морального духа частей.

Большевики платили Парскому той же монетой. Несмотря на лояльность генерала революционной демократии, на съезде солдат и офицеров Гренадерского корпуса в местечке Снов в конце мая 1917 г. большевик Чучаев натравливал на генералов Парского и С. А. Довгирда (командира Гренадерского корпуса и начальника штаба соответственно), а также на В. М. Пуришкевича офицеров из разночинной интеллигенции. Чучаев заявлял, что подобные перечисленным дворяне лишь терпят младших офицеров, но на самом деле «считают плебеями, детьми кухарок и прачек и, здороваясь с вами, подают вам один палец, брезгуя вашей плебейской рукой»⁵⁴. Такими демагогическими и лживыми приемами насаждалась и разжигалась рознь не только внутри армии, но и внутри офицерской корпорации.

По свидетельству комиссара Войтинского, «из числа... энергичных и сохранивших присутствие духа начальников одни ладилы с комитетами, другие находились в открытой вражде с ними, тянули к «старому режиму». Главой «старорежимников» был генерал Балтийский, убежденный черносотенец, антисемит, позже уволенный по требованию Искосола и... ставший правой рукой

⁵⁰ Там же. С. 197.

⁵¹ Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб., 2000. С. 670.

⁵² Революционное движение в русской армии. С. 296.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Буравченнов А. А. Роль демократического офицерства в революции. К., 1990. С. 18.

Троцкого при создании Красной армии. Из генералов, умевших согласовать свою работу с новыми условиями жизни в армии, наиболее яркие фигуры представляли собой командующий армией Парский и командир 43-го корпуса Болдырев.

Ген. Парский, посреди поражений, в обстановке разложения армии, сохранял неизменную пламенную веру в русского солдата. Эта вера мирила его со всем — даже с комитетами.

— Русский солдат, — говорил он, — изумительный солдат, он боевую обстановку сметкой, чутьем схватывает лучше, чем любой генерал. Военачальник у солдата должен учиться. Я так и делал, когда ротой, а потом полком командовал. Получу задание, изучу местность, а прежде, чем приказ отдавать, позову своего денщика и с ним посоветуюсь. И не помню случая, чтобы денщик дельного совета мне не подал. Земляки всегда все знают лучше, чем в штабе: и где у противника пулемет припрятан, и с какой стороны у него части крепче стоят, с какой стороны — послабее. В эту войну, уже корпусом командуя, я и то всегда денщика выспрашивал: «Как ты, Гаврила, думаешь, будет ли на этой неделе немец наступать или нет?» А Гаврила отвечает: «Никак нет, Ваше Превосходительство, раньше чем через 10 дней ему наступать невозможно». — «Почему ты так думаешь?» — «А потому-то и потому-то...» Я и спокоен. А то Гаврила сам мне докладывает: «Ваше Превосходительство, не иначе, как немец ударить хочет», — я сразу в армию доношу, что по полученным сведениям ожидаю, мол, наступления неприятеля, и сам меры принимаю...»

Для Парского решающим фактором в войне была психология солдат и офицеров и, прежде всего, их взаимное доверие и спайка. Одной из причин наших военных неудач он считал разницу между различными видами оружия, особенно пехотой и артиллерией, и рекомендовал бороться с этим злом, устраивая общие батареино-полковые праздники и гулянья для офицеров и солдат. Так же заботливо относился он к сплочению различных национальных элементов армии.

Как-то, собираясь в украинский армейский комитет, я пригласил Парского ехать со мною. Генерал согласился, но уже в дверях остановился и сказал:

— Знаете, что, Владимир Савельевич? Отправляйтесь одни. А я к ним на будущей неделе пойду, когда ко мне жена придет — она из Полтавской губернии, по-украински говорит. Я им скажу, что надо, а потом жена по-ихнему несколько слов прибавит — выйдет сердечнее, теплее, хохлы это любят...

О военных талантах генерала Парского судить я не берусь, но в прошлом за ним были крупные заслуги, и в обстановке фронта он разбирался, как мне казалось, неплохо. Во всяком случае, это был человек с оригинальным, самостоятельным умом. Политикой он мало интересовался, признаваясь простодушно:

— Этих дел я не знаю.

В спасительность репрессий он не верил:

— Русского человека, если он забрал себе что в голову, наказанием не испугаешь.

Но верил в здравый смысл и совесть солдата, и потому все настроения в армии считал явлением временным, преходящим»⁵⁵.

Парский руководил боями под Ригой в августе 1917 г. Когда из Ставки пришел приказ с требованием расстрела бежавших с фронта стрелков 54-го Сибирского стрелкового полка артиллерийским огнем, Парский отказался его публиковать и исполнять. По мнению комиссара Войтинского, этот «дикий, нелепый» приказ был получен с опозданием, когда порядок уже удалось восстановить⁵⁶. В середине августа Парский разработал план обороны, заключавшийся в препятствовании переправе немцев через Западную Двину. Однако 21 августа Ригу пришлось оставить. В ходе отступления разложившаяся армия понесла многотысячные потери пленными, были брошены сотни орудий и пулеметов. Лишь через несколько дней войска удалось собрать на Венденских позициях. Как отмечал А. А. Керсновский, «бесславная летопись российской демократии обогатилась новой позорной страницей»⁵⁷. Рижская операция стала последним крупным сражением русского фронта Первой мировой войны.

Несмотря на неудачи, Парский по-прежнему высоко оценивал солдат. В разговоре с комиссаром Северного фронта Войтинским в период оставления Риги он отметил: «Вы, Владимир Савельевич, еще мало знаете русского солдата. Русский солдат — необыкновенный солдат, равного ему в мире нет. Он и в наступлении велик, и в отступлении. Когда он наступает, никто не устоит перед ним. А когда отступает, его не то что вражеская пехота — конница не догонит! Что теперь? Разве это бегство? Вы бы посмотрели, как наши с Карпат отступали! Вот тогда в самом деле...

⁵⁵ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 194–195.

⁵⁶ Там же. С. 204.

⁵⁷ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. 1915–1917 гг. М., 1994. С. 314.

Увлечшись нахлынувшими воспоминаниями, генерал принялся было рассказывать о непостижимой стремительности бегства нашей армии с Карпат. Но спохватился, что время и место неподходящие для этого рассказа, оборвал свою речь и бросился отдавать распоряжения»⁵⁸.

В солдатской массе поползли слухи об измене в штабе, ходили слухи и о возможном смещении Парского. Тем более, что генерал Корнилов говорил о предании Парского и Войтинского суду⁵⁹. Однако, поскольку солдаты Парскому все еще доверяли, его увольнение могло произвести плохое впечатление на войска. В этой связи на заседании Искосола в Вендене в ночь на 28 августа было решено ходатайствовать перед правительством об оставлении Парского на своем посту⁶⁰. Не случайно солдаты называли Парского «батькой»⁶¹. Комиссар Северного фронта В. Б. Станкевич «все нападки на командующего армией, которыми его осыпали на моих (Станкевича. — А. Г.) глазах некоторые из чинов штаба, объяснил интригой за то, что командующий армией не юдофоб и не старается взвалить вину на солдат. Поэтому, чтобы прекратить эти неприятные и явно бесполезные толки, я написал записку главнокомандующему фронтом, где, изложив всю картину боя, сделал решительное заключение о необходимости сохранения Парского во главе армии, так как он единственно спокоен, уравновешен, не теряет веры и бодрости и отчетами о боях не сводит политические счета, — ведь это было бы так просто — взвалить всю вину на солдат, на новые порядки... Все поверили бы, а Ставка благодарила бы. Чтобы прекратить неприятные попытки сделать меня орудием каких-то интриг, я показал эту записку как штабным противникам Парского, так и ему самому»⁶².

Неудачная рижская операция породила критику в адрес Парского и недоброжелательные сплетни. Между тем именно Парскому принадлежала заслуга эвакуации из Риги ценных тыловых учреждений. Второй его заслугой была сохранение войск в период боев в районе Икскюля в конце августа 1917 г. В. Ф. Новицкий вспоминал о своей встрече с Парским в Зегевольде тревожной ночью с 21 на 22 августа 1917 г., когда войска беспорядочно отсутствовали, разгромленные немцами: «Д. П. был спокоен, полон реши-

⁵⁸ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 214.

⁵⁹ Станкевич В. Б. Указ. соч. С. 212.

⁶⁰ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 218.

⁶¹ Станкевич В. Б. Указ. соч. С. 179.

⁶² Там же. С. 209–210.

мости и уверенности, что доведет начатое дело до благоприятного конца. И действительно, через 2 дня 12-я армия уже стояла на венденских позициях, приведенная в порядок, отдохнувшая, вновь готовая встретить наступление противника»⁶³.

22 сентября 1917 г. Парский представил в штаб фронта доклад об отказе частей выполнять приказ о наступлении. В этом документе содержалась оценка выступления генерала Л. Г. Корнилова. По мнению Парского, авантюра Корнилова совсем запутала солдат и окончательно подорвала доверие к командному составу, причем в солдатской массе раздавались призывы поднять весь высший командный состав на штыки⁶⁴.

К октябрю 1917 г. Парский состоял командующим войсками 3-й армии, штаб которой размещался в Полоцке. Начальником штаба армии был Генштаба генерал-майор П. П. Лебедев — в будущем один из руководителей РККА, начальник Полевого штаба Реввоенсовета республики.

Переходу Парского к большевикам предшествовал неприятный для него, но показательный инцидент, произошедший в конце 1917 г. В ноябре 1917 г. Парский был арестован за отказ подчиниться Совету народных комиссаров и исполнить приказание военно-революционного комитета Западного фронта и вр. и. д. главнокомандующего армиями Западного фронта большевика подполковника В. В. Каменщикова о принятии мер к ведению мирных переговоров с противником. 18 ноября 1917 г. Парский без обиняков заявил Каменщикову по прямому проводу, что находит ведение переговоров «противоречащим моим внутренним убеждениям и совести»⁶⁵. Кроме того, Парский отказал представителям военно-революционного комитета в выдаче мандата на переговоры (впрочем, немцы не обратили внимания на мандат без подписи командарма⁶⁶). Упреждая обвинения в контрреволюционности, Парский отмечал: «Я оставался все время на своем месте, считая неудобным покинуть армию в такое тяжелое время, и до тех пор, пока это было возможно, в полной мере шел навстречу нашим демократическим организациям...»⁶⁷.

⁶³ Новицкий В. Памяти Д. П. Парского. С. 194.

⁶⁴ Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). Автор-составитель С. Н. Базанов. М., 2010. С. 238.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 260. Л. 4.

⁶⁶ Базанов С. Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 155.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 260. Л. 4.

Парский по предписанию Каменщикова сдал должность командующего армией председателю армейского комитета, большевику, подпоручику С. А. Анучину и отправился в распоряжение Совнаркома. При этом он был арестован и препровожден в Петроград в распоряжение ВРК, не оказав сопротивления. В биографических статьях о Парском его арест осенью 1917 г. никогда не упоминался (впрочем, как и второй его арест осенью 1918 г.). Парский не был готов идти на переговоры с врагом, что объясняет его стремление возобновить борьбу с немцами в феврале 1918 г.

На следующий день генерала отрешили от командования. Вынужденно оставляя свой пост, Парский рекомендовал всем частям оставаться на позициях и соблюдать порядок: «Отъезжая от армии, я рекомендую всему командному составу и прошу всех товарищей в целях сохранения порядка и боевой крепости армии оставаться на своих местах, неуклонно работать рука об руку с комитетами, руководствуясь указаниями своей совести и понятиями о долге военной службы, о чести и свободе России и народа. Я оставался на своем посту, пока мог»⁶⁸.

Интересно, что сменивший Парского председатель армейского комитета 3-й армии и вр. и. д. командующего армией подпоручик Анучин дал высокую оценку работе Парского: «Генерал Парский в дореволюционный период пользовался большими симпатиями солдат, подходя к ним не как к солдату (так в документе. — А. Г.), а как к человеку, за что подвергался репрессиям со стороны начальства. В тот же период ему солдатами был поднесен Георгиевский крест. В революционный период он все время работал рука об руку с организациями и в самые трудные минуты фронта, когда солдатские массы не слушались даже своих выборных организаций, г[енерал] Парский умел успокоить массу. После Октябрьской революции г[енерал] Парский также шел навстречу организациям и стал работать в контакте с ВРК III армии, о чем можно видеть из прилагаемой здесь копии телеграммы. Но, видимо, в нем происходила внутренняя борьба и когда ему было предложено подписать мандаты парламентарам, он честно и открыто заявил, что не может этого сделать, т. к. это противоречит его внутреннему убеждению. После этого от Главкозапа подполковника Каменщикова последовал приказ о его арестовании.

Для выполнения ареста явились три члена ВРК, причем г[енерал] Парский спокойно выслушал приказ ВРК как необходимое

⁶⁸ Там же. Л. 7.

после его отказа — им, конечно, не было оказано ни малейшего сопротивления при аресте. Произошло это в 2 часа ночи.

Из всего вышеизложенного я нахожу, что г[енерал] Парский не является ярым контрреволюционером и не представляется необходимым заключать его в Петропавловскую крепость и совершенно можно быть спокойным, если г[енерал] Парский будет находиться под домашним арестом — и если это возможно, то я просил бы не применять к нему крепости.

Если же почему-либо Правительство Народных Комиссаров найдет необходимым применить к ген. Парскому как меру пресечения содержание в крепости, то передаю убедительную просьбу гражданской жены г[енерала] Парского — Елены Григорьевны Белановской дать ей возможность находиться подле мужа, т. е. заключив и ее в крепость.

Мое мнение и просьбу Е. Г. Белановской передаю на Ваше усмотрение»⁶⁹.

20 ноября Парского и генерала Нечаева доставили в Петроград, а на следующий день Парского уже допросили относительно произошедшего. В своих показаниях он отметил, что переговоры с противником на фронте считал вредными для родины и народа, «идти против своей совести и убеждения я не мог»⁷⁰. Нужно было обладать немалым гражданским мужеством, чтобы так искренне и откровенно рассуждать под арестом.

Было бы неверно считать генерала Парского наивным идеалистом. Для страховки он представил следственной комиссии документы о своих отношениях с солдатами после Февральской революции, причем просил их вернуть по миновании надобности, надеясь, что они сослужат службу и в дальнейшем⁷¹. После допроса генерал был освобожден под подписку о невыезде, причем дал слово офицера явиться в следственную комиссию по первому требованию. Вплоть до января 1918 г. Парский уведомлял следственную комиссию о переменах своих петроградских адресов, позднее надобность в этом миновала, к тому же сам бывший генерал поступил в Красную армию.

Парский оказался одним из первых генералов старой армии, предложивших новой власти свои услуги. В целом он прекрасно зарекомендовал себя в качестве военного специалиста. Тем более, что был одним из наиболее высокопоставленных, опытных

⁶⁹ Там же. Л. 9об.—10об.

⁷⁰ Там же. Л. 11.

⁷¹ Там же. Л. 13, 14об.

и квалифицированных военспецов РККА, обладал опытом командования корпусом и армией.

Разумеется, как горячий сторонник бескомпромиссной борьбы с немцами, Парский не смог остаться в стороне, когда в феврале 1918 г. немцы перешли в наступление на Восточном фронте. Можно сказать, что в Красную армию он пошел добровольно и по патриотическим соображениям. Как вспоминал он сам, «проживая в это время в Петрограде, я чутко прислушивался к происходящему и с болью переживал его; каждое газетное известие будило старые струны, взор лихорадочно следил за всеми передвижениями немцев, которые подходили все ближе и ближе... сознание, что старый враг вновь грозит поверженной в прах родине, быстро заставило забыть всю горечь перенесенного, всю усталость; дух мой загорелся с прежнею силой и стал неумолчно звать меня туда, откуда приближался рокот боевой грозы. Я не выдержал и в последних числах февраля бросился в штаб верховного главн[окомандую]щего, а затем и в Смольный, где и заявил о желании служить на фронте в этот ответственный момент. Через два дня я получил назначение ехать к Нарве и объединить командование войсками, действовавшими в районе р. Наровы и Чудского озера»⁷². По свидетельству начальника штаба Верховного главнокомандующего бывшего Генштаба генерал-майора М. Д. Бонч-Бруевича, Парский обратился к нему со следующими словами: «Михаил Дмитриевич, ... я мучительно и долго размышлял о том, вправде или не вправде сидеть, сложа руки, когда немцы угрожают Питеру. Вы знаете, я далек от социализма, который проповедуют ваши большевики. Но я готов честно работать не только с ними, но с кем угодно, хоть с чертом и дьяволом, лишь бы спасти Россию от немецкого закабаления»⁷³.

Бонч-Бруевич тогда возглавил в качестве военспеца оборону Советской России от внешнего врага. Предложение Парского оказалось своевременным и было принято. По характеристике Бонч-Бруевича, Парский был «отличным генералом, хорошо знавшим солдата и понимавшим его душу, искусным в ведении боевых операций и достаточно настойчивым, чтобы не растерять-

⁷² Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте — апреле 1918 г. (Составлено по сохранившимся документам, заметкам и личным воспоминаниям) // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. Вып. 2. М., 1919. С. 196.

⁷³ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 257–258.

ся от необычных условий, в которые должна была поставить его служба в только что возникшей Красной армии. В искренности Дмитрия Павловича я не сомневался, да ему не было никакого расчета притворяться — молодая Советская республика переживала едва ли не самое трудное свое время»⁷⁴.

Как вспоминал Бонч-Бруевич, «связавшись по телефону с братом (В. Д. Бонч-Бруевичем — управляющим делами СНК. — А. Г.), все эти дни занимавшимся формированием и отправлением отрядов на фронт, я рассказал ему, что наконец-то первый боевой генерал предложил нам свои услуги»⁷⁵. Бонч-Бруевич полагал, что примеру Парского последуют и другие.

Решением Бонч-Бруевича, утвержденным председателем СНК В. И. Лениным, Парский возглавил оборону Петрограда на одном из важных участков — под Нарвой и в районе Чудского озера (Нарвский оборонительный участок (район))⁷⁶. Это назначение он получил в тяжелый для Советской России период, 26 февраля 1918 г. Бонч-Бруевичем Парскому была поставлена задача удерживаться на занятых рубежах⁷⁷. Прежде всего речь шла об удержании Ямбурга от наступающих немцев. В районе Ревеля немцы сосредоточили около 9 000 солдат, однако Нарва была занята незначительными силами⁷⁸, а местное население было недовольно оккупационным режимом.

В телеграмме Бонч-Бруевича от 28 февраля 1918 г. в Тверь и Смоленск отмечалось: «Верховным командованием сосредотачиваются добровольческие отряды в районах Нарвы и Пскова и Порхова и Ст. Руссы и Великие Луки во главе [е] ответственными начальниками, пока назначены Начальниками Нарвского — Парский и Псковского — Пехлеванов, остальные будут назначены вслед за сим. В подчинение этих Начальников должны поступать наши войска, отходящие с фронта, сумевшие сохранить свою боеспособность. Задача всем этим отрядам — удержать вторжение немцев и прочно оборонить от отдельных немецких отрядов узловые станции и вообще железные дороги. По мере накопления сил внутри страны число отрядов и самые отряды будут увеличиваться... [В] дополнение распоряжения

⁷⁴ Там же. С. 258.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Подробнее о ситуации на соседнем направлении под Псковом в те дни см.: Ганин А. В. Болгарин, защитивший Россию: судьба Иордана Пехливанова // Русский Сборник. Исследования по истории России. М., 2012. С. 255–336.

⁷⁷ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

⁷⁸ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 5. Л. 36, 42.

о расформировании Штабов армий Главковерх приказал расформировать все штабы до дивизионных включительно тех частей, которые действуют на фронте за исключением штабов тех войсковых соединений, кои сохранили в полной мере боеспособность, внутренний порядок и готовность к борьбе с внешним врагом. Все чины расформировываемых штабов, кои пожелают продолжать борьбу с внешним врагом, должны приписываться и находиться [в] штабе фронта и снабжения фронта, о числе собранных при штабе таких лиц периодически доносить [с] указанием, какую должность занимал, отсюда штаверх будет черпать нужных людей, до нового назначения все сохраняют свои оклады...»⁷⁹.

Позднее Парский вспоминал о начале своей службы в Красной армии: «Я начал работу тогда... когда немцы совершенно неожиданно начали наступление. Старая армия в беспорядке оставляла фронт, дезорганизованная и разложенная. Тогда на помощь этой армии из Петрограда, Москвы и фабричных центров были посланы красноармейцы, матросы и охотники⁸⁰. К ним присоединились остатки старой армии и, таким образом, получилась оборона, которая и была названа пограничной завесой.

Это совпало с моментом заключения Брестского договора. Организация и управление войсками находились тогда в зачаточном состоянии. Командный состав был самый разнообразный: были и старые офицеры, были и солдаты, преимущественно бывшие унтер-офицеры, назначались также выборные командиры из фабричных рабочих и матросов. Боевые качества этих войск были весьма незначительны. Неблагополучно было и в количественном отношении: хотя эти отряды называли себя полками, но в полку часто было не более 50–60 человек. По родам оружия эти отряды представляли собою, конечно, преимущественно пехоту, как род оружия более простой; артиллерии и конницы было очень мало. Недостаток в коннице затруднял несение полевой службы, так как участки были очень длинные, и их приходилось заменять исключительно пехотой.

Войска эти были очень смешанные, пестрые и разного боевого достоинства: были более или менее боевые части и были совершенно дезорганизованные. Надо полагать, что боевая их устойчивость, если бы немцы продолжали наступление, оказалась бы роковой.

⁷⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 64.

⁸⁰ Т. е. добровольцы.

По национальностям эти отряды, особенно под Нарвой, на том фронте, где я командовал, делились на части латышские, эстонские и русские. Надо отметить, что лучше организованными и более устойчивыми были латышские части.

Когда рабоче-крестьянское правительство стало перед фактом не только внешней военной угрозы, но и внутренней контрреволюции, оно пришло к убеждению, что добровольчество не даст достаточного количества войск, чтобы справиться с тяжелыми задачами времени. Кроме того, в это время приток добровольцев все сокращался: отчасти это объяснялось тем, что не было органов для приема добровольцев в уездах и волостях и не было правильной регистрации. И Совет народных комиссаров пришел к необходимости формирования армии путем обязательного призыва населения. С тех пор формирование частей пошло усиленным темпом, и через сравнительно небольшой период времени мы получили достаточное количество войск, которое могло справиться с теми большими задачами, которые ей ставила вся современная обстановка»⁸¹.

Бывшего генерала поражала кипучая работа, проводившаяся в те дни в Смольном. Парский не знал ни общей обстановки на фронте, ни имеющихся в его распоряжении сил. Лишь при содействии управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича (брата бывшего генерала М. Д. Бонч-Бруевича) удалось получить самое необходимое (карты, денежные средства и автомобиль). Перед отъездом Парский встречался с председателем СНК В. И. Лениным⁸².

В качестве начальника штаба Парский пригласил своего сослуживца бывшего Генштаба генерал-майора А. Г. Кузьмина. Комиссаром отряда стал член ЦИК К. А. Петерсен, знакомый Парскому по 12-й армии. Вместе с Парским на фронт отправился и слушатель ускоренных курсов военной академии С. П. Цветков, также служивший с Парским в Первую мировую войну. На фронт Парский ехал с женой, исполнявшей обязанности секретаря. По пути на фронт бросалось в глаза массовое бегство личного состава старой армии, в основном из состава XLIX армейского корпуса.

Как вспоминал сам Парский, тогда на фронте «были лишь отдельные слабые отряды и части, весьма разнообразные по своему происхождению и крайне пестрые по составу, численности и бо-

⁸¹ Мнение специалиста (Беседа с бывш. генералом Д. П. Парским) // Известия. 1919. № 42 (594). 23.02.

⁸² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. Октябрь 1917 — июль 1918. М., 1974. С. 272.

евому достоинству... в то время ведь не было собственно ничего, все приходилось наскоро создавать вновь, разыскивать, собирать, налаживать... каждый участник действовал почти исключительно по своему усмотрению и на свой страх, руководясь чутьем и здравым смыслом; общего управления и указаний почти не было... тогда приходилось думать лишь о том, как бы только удержаться, да и на это надежды было мало...»⁸³.

Парский писал о положении бывших старших офицеров старой армии в нарождавшейся РККА и наставлял своих коллег: «Вследствие многих понятных причин наше положение, работников старой еще армии, сделалось неблагоприятным среди современной войсковой массы, и особенно трудным оно было вначале возникновения новой вооруженной силы. Необходимо глубоко вникнуть во все происшедшее, серьезно изучить теперешнюю обстановку, по возможности отрешившись от многих предубеждений, примениться к ней и в работе своей всегда сообразоваться с духом и особенностями переживаемого времени; главное же изучить современную войсковую массу, уметь подойти к ней и действовать всегда доброжелательно и искренно; если последнее налицо, то будет сделан первый шаг по пути к доверию, а оно теперь особенно необходимо... путь, идущий от сердца, — самый простой, скорый и беспромахный»⁸⁴.

На станцию Веймарн (к востоку от Ямбурга) Парский прибыл вечером 3 марта 1918 г. По прибытии открылась картина беспорядочного бегства солдат 12-й армии (которой Парский командовал в 1917 г.) от Нарвы в направлении Гатчины. Парский докладывал Бонч-Бруевичу о намерении отправиться в Ямбург, чтобы отыскать «командующего всеми партизанскими отрядами» П. Е. Дыбенко. Бывший генерал просил прислать подкрепления — бронепоезд и конницу⁸⁵. Парский должен был не только держаться в районе Ямбурга, но и прикрывать тылы псковского отряда И. Г. Пехливанова. Первоначально при Парском находились только три офицера, которых явно не хватало для управления войсками. Немцы заняли Нарву слабыми силами. Парский резюмировал в докладе Бонч-Бруевичу: «Если удастся собрать силы, то попытаюсь вновь занять Нарву»⁸⁶.

⁸³ Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии. С. 194.

⁸⁴ Там же. С. 216.

⁸⁵ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. Т. 1. Ноябрь 1917 — март 1919 г. М., 1971. С. 91.

⁸⁶ Там же. С. 92.

Один из подчиненных Парскому командиров красногвардейских отрядов вспоминал: «В Нарве должен был находиться особый штаб войск Нарвского района. Во главе этого штаба стоял бывший генерал Парский. Я познакомился с ним вечером того же дня (3 марта 1918 г. — *А. Г.*) и, как о человеке, добросовестно выполнявшем взятые на себя обязанности, могу сказать о нем только хорошее. Но когда наш отряд приехал в Нарву, Парского там еще не оказалось; он сам и его штаб не приехали...»⁸⁷.

Под Нарвой бывшему генералу пришлось действовать совместно с балтийскими матросами из сводного отряда Дыбенко — «подозрительными “братишками”», как их характеризовал Бонч-Бруевич⁸⁸. Матросы туда были направлены несколькими днями ранее — 28 февраля. Этому анархическому формированию с элементами уголовного характера было присуще увлечение парадной стороной военного дела в ущерб результатам. 1 марта, например, Дыбенко организовал пышную демонстрацию, занявшую не менее трех часов драгоценного боевого времени и, по одной из оценок, «разыгрывал Помпадур из рассказов Щедрина»⁸⁹. 2 марта матросы прибыли в Нарву. 3 марта Бонч-Бруевич приказал Дыбенко овладеть Ревелем⁹⁰. Однако приказ этот выполнен не был.

Покончив с церемониями, 3 марта Дыбенко все же решил атаковать противника. Его действия тогда получили следующую оценку одного из военных специалистов (возможно, даже самого Парского): «Не входя в оценку правильности принятого решения, необходимо отметить, что в тактическом отношении маневр был выполнен совершенно безграмотно.

Прежде всего и главным образом отсутствовала самая элементарная разведка, как предварительная, так и во время самого боя.

Отряд, состоявший из 700 матросов и 1000 красногвардейцев, полностью развернувшийся в цепь по глубокому снегу и, видимо, не получивший определенной и ясной задачи, двинулся в атаку и попал под перекрестный артиллерийский, пулеметный и оружейный огонь противника, обошедшего фланги отряда.

⁸⁷ Клявс-Клявин А. Под Нарвой в феврале — марте 1918 г. // Красная летопись (Ленинград). 1934. № 2 (59). С. 94.

⁸⁸ Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. С. 260.

⁸⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 214.

⁹⁰ Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). Сб. док. М., 1969. С. 28.

В довершение всего, по словам очевидца, Дыбенко в 16 часов, в самый разгар боя, оставляет отряд на произвол судьбы, не назначив даже заместителя и уезжает в Ямбург, причем тотчас же приказал почему-то снять даже телеграфные аппараты.

Большинство частных начальников, видимо, также оставили строй.

В результате громадные потери и паническое бегство оставшихся людей в Нарву, а оттуда далее на поездах.

Немцы не преследовали»⁹¹.

Вполне обоснованным выглядел вывод о том, что «Нарва была отдана неприятелю при самых до анекдотичности невероятных обстоятельствах...»⁹².

3 марта был заключен Брестский мир, но об этом командиры отрядов под Нарвой узнали лишь 5 марта⁹³. Пока же обстановка продолжала оставаться неясной. 4 марта «в 3 часа утра приехал в Ямбург Парский⁹⁴. Он хочет узнать, где наши части, но это ему не удается. Он формирует отряд из солдат ябургского гарнизона и посылает к Нарве для обороны левого берега Наровы, но Дыбенко отсылает солдат в казармы выпасться. Вообще он не признает никого; кроме своего собственного самодурства. Еще до своего бегства он говорил открыто, что Парского признавать не будет и пошлет его на позиции с ружьем в руках. Относительно же верховного коллектива обороны в Петрограде говорил, что ему наплевать на этих дураков. Если Дыбенко останется, то немцам свободный путь до Петрограда обеспечен...»⁹⁵.

Парский вспоминал: «Дыбенко, распорядившийся тут всем, встретил меня как бы с недоверием и, видимо, не склонен был подчиниться мне»⁹⁶. Рядом с дыбенковскими моряками бывший царский генерал явно опасался за сохранность выданных ему в Смольном денежных средств. Матросы не пожелали подчиниться Парскому, в ночь на 4 марта перепились и бежали из-под Нарвы на Ямбург до подхода немцев⁹⁷. В результате немцы

⁹¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 213–213об.

⁹² Там же. Л. 214.

⁹³ Клявс-Клявин А. Указ. соч. С. 97.

⁹⁴ По данным самого Парского, это произошло 3 марта в 23 часа 5 минут (Парский Д. Воспоминания и мысли... С. 199).

⁹⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 216.

⁹⁶ Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ябургском отряде Красной армии. С. 199.

⁹⁷ Советский писатель И. М. Жигалов в биографической повести о Дыбенко изобразил Парского чуть ли не вредителем, не желавшим помочь отряду мо-

вошли в Нарву без боя. Парскому все же удалось организовать оборону до прекращения немцами наступления. Какими бы малочисленными ни казались отряды, сопротивлявшиеся немцам, нельзя не отметить, что большевистское руководство при опоре на военспецов сумело организовать отпор наступавшему врагу на всех основных направлениях под Петроградом. Эти действия, безусловно, стали фактором, принимавшимся немецким командованием во внимание.

Об отступлении матросов из-под Нарвы активно писала газета «Правда». Действия Дыбенко, несмотря на его классовую близость рабочим и крестьянам, не встретили понимания в большевистском руководстве. Он был вынужден передать командование Парскому, причем, обиженный, направил в Петроград издательскую телеграмму: «В настоящий момент командование передаю Его Превосходительству Генералу Парскому»⁹⁸. Об инциденте М. Д. Бонч-Бруевич доложил В. И. Ленину, но реакция большевистского лидера осталась тогда неизвестной⁹⁹. Лишь позднее выяснилось, что Ленин сделал из случившегося вполне определенные выводы. Уже 7 марта Ленин просил Дыбенко немедленно явиться к нему¹⁰⁰. Дыбенко в связи со случившимся был в марте 1918 г. на некоторое время арестован, а позднее, в мае, судим.

Инцидент с отдачей Дыбенко под суд (председатель следственной комиссии Н. В. Крыленко) показателен и демонстрирует готовность большевистского руководства довести до конца реализацию программы создания регулярной армии на принципах строгой дисциплины. Сыграли свою роль и авторитет Дыбенко в матросской среде, и угроза активных действий против большевистской верхушки с его стороны при опоре на матросов и анархистов. Дело Дыбенко держал на контроле председатель СНК В. И. Ленин. Новая власть проявила решимость покарать даже «своего», социально близкого партийного матроса Дыбенко, члена СНК (ни много ни мало наркома по морским делам), поддерживая «классово чуждого» бывшего генерала Парского, который в инциденте под Нарвой выступил сторонником дисциплины. Расследование Особой следственной комиссии установило,

ряков (Жигалов И. Дыбенко. М., 1983. С. 176–178; Он же. Командарм Дыбенко. Повести. М., 1987. С. 177–179). Совокупность известных источников свидетельствует о безосновательности подобной версии.

⁹⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 212.

⁹⁹ Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. С. 261.

¹⁰⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. Октябрь 1917 — июль 1918. М., 1974. С. 299.

что «в деле имеется достаточно данных для возбуждения дела по обвинению Дыбенко в неприятии всех мер от командующего отрядами по защите Нарвы, равно как и в оставлении ее штабом без достаточных к тому оснований, равно как и в явном попустительстве со стороны Дыбенко к имевшим место среди лиц его штаба злоупотреблений спиртными напитками»¹⁰¹. Дело направлено на заключение президиума ЦИК. И хотя Дыбенко с учетом мнений военспецов в итоге оправдали, но по итогам разбирательства он оказался исключен из партии и смог восстановиться только после Гражданской войны, в 1922 г.¹⁰²

Однако вернемся к событиям 4 марта под Ямбургом. В распоряжении Парского к утру 4 марта в Ямбурге имелось 320 человек из состава 177-го пехотного Изборского и 22-го Финляндского стрелкового полков при 34 пулеметах и 2–3 батареи 45-й артиллерийской бригады. Некоторые части даже не удалось найти. На бежавших в направлении Гатчины в эшелонах матросов никакой надежды не было. Бегство матросов разлагающе действовало на красногвардейцев.

План Парского сводился к сосредоточению всех остающихся сил перед Ямбургом и к организации упорной обороны у деревень Комаровка и Дубровка. В Ямбурге должен был находиться резерв. Связью с псковским отрядом должен был служить Гдовский отряд, отступавший к озеру Самро и на Волосово.

Войска Парского постепенно усиливались. На 6 марта в его подчинении находились: сводный отряд Наумова, особый отряд А. Я. Клявс-Клявина (из Петрограда), партизанские отряды Акулова (Окулова), В. Годлевского (Годилевского, из Ямбурга), М. Григорьева (из Петрограда), А. Э. Даумана (из Нарвы), А. Яновского и отряд Дыбенко¹⁰³. Численность войск составила уже около 3000 человек¹⁰⁴. К 9 марта в Нарвском отряде числилось порядка 3500 человек, а в Гдовском — 1300. В обоих отрядах имелось 50 пулеметов и 3 орудия¹⁰⁵. Железнодорожный

¹⁰¹ РГВА. Ф. 40 808. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об.

¹⁰² Подробнее см.: Стариков С. В. Павел Дыбенко: забытая страница биографии // Марийский археографический вестник (Йошкар-Ола). 1997. № 7. С. 79–88 (также напечатано в журнале «Вопросы истории» 1998. № 4 под названием «П. Дыбенко в Самаре. Весна 1918 года»); Елизаров М., Елизарова О. «Дело Дыбенко» // Морской сборник. 2008. № 9. С. 77–79.

¹⁰³ Подробнее см.: Николаев П. А. На защиту Петрограда! Л., 1986. С. 196.

¹⁰⁴ Директивы командования фронтов. Т. 1. С. 93–94.

¹⁰⁵ Рождение Красной армии / Публ. В. В. Душенькина и Н. М. Вьюновой // Советские архивы. 1968. № 1. С. 21; Директивы командования фронтов

мост у Ямбурга через реку Лугу был взорван. 9 марта Парский запрашивал присылку инструкторов и средств связи для взаимодействия с Гдовским отрядом. Немцы, однако, дальше деревни Комаровка продвигаться не стали.

Как Парский писал впоследствии военному руководителю Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевичу, «путем доверия и величайшего напряжения, несмотря на разруху, удалось привести в порядок войска, отошедшие из-под Нарвы и организовать оборону Ямбургского и Гдовского районов. Затем, в течение 3-х почти месяцев пришлось усиленно трудиться в смысле дальнейшей организации и боевой крепости войск, подготавливая вместе с тем вверенный мне Ямбургский (затем Гатчинский) участок к развертыванию еще больших сил»¹⁰⁶. Разумеется, бывшему командующему армией происходившие столкновения казались странными. По свидетельству Парского, «судьба забросила меня сюда, в этот уголок тогдашнего случайно создавшегося фронта и бывшему командующему армией 250 000 боевой численности пришлось очутиться в роли начальника слабого сборного отряда общую силою не превышавшего полк»¹⁰⁷. Немцы дальше Нарвы не двигались, и фронт здесь стабилизировался. Из нового боевого опыта Парский сделал вывод о важности близости начальников и штабов к войскам и о том, что штабы должны быть не только мозгом, но и сердцем войск¹⁰⁸.

По окончании боевых столкновений стороны перешли к переговорам относительно проведения демаркационной линии. От штаба Парского в них участвовал слушатель ускоренных курсов Военной академии А. М. Изюмов (впоследствии перешел в украинскую армию и на белый Юг)¹⁰⁹. Кроме Изюмова, в отряд Парского из академии были направлены курсовики младшего и старшего курсов Ю. И. Григорьев, Н. А. Мягков, А. С. Ролько, С. К. Сахаров, М. П. Фесик и С. П. Цветков¹¹⁰.

В дальнейшем Парский руководил войсками Ямбургского отряда завесы, преобразованного в Гатчинский округ в составе Ямбургского, Гдовского и Приморского районов обороны¹¹¹. Под-

Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 4. М., 1978. С. 14.

¹⁰⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 122.

¹⁰⁷ Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии. С. 201.

¹⁰⁸ Там же. С. 217.

¹⁰⁹ Кляев-Клявин А. Указ. соч. С. 97.

¹¹⁰ РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 3. Л. 201; Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 59.

¹¹¹ Стрекалов И. И. Создание войск завесы (февраль — май 1918 года). Исторический очерк. М., 2001. С. 13.

чиненные ему войска оказались разношерстными. В отряде были и бывшие солдаты, и рабочие, не имевшие военной подготовки, и распустившиеся, склонные к мародерству матросские формирования. Чрезвычайно широким был спектр политических сил, к которым принадлежали бойцы завесы. Наконец, различались эти войска и по национальному составу — заметным было присутствие латышей и эстонцев. Многие формирования управлялись комитетами. Дисциплина хромала, а с окончанием боевых действий началось разложение. Уже к 10 марта стало заметным дезертирство, причем бойцы заявляли, что на позициях не нужны, а при необходимости незамедлительно вернуться¹¹². В отряде Парского брожение происходило в 1-м социалистическом пулеметном полку. Положение войск завесы представлялось крайне тяжелым — в случае возобновления боевых действий с немцами эти слабые отряды были бы быстро разгромлены. 22 марта 1918 г. Военным советом Петроградского района был даже выработан план действий на случай наступления немцев и оставления Петрограда. По этому плану части Парского должны были отступать на Гатчину и далее к станции Званка¹¹³. Как впоследствии вспоминал сам Парский, «общее наше расположение с боевой точки зрения являлось тогда донельзя слабым и нет никакого сомнения в том, что в случае наступления неприятеля, мы не в состоянии были бы оказать ему упорного сопротивления»¹¹⁴. Вместе с тем организация и управление войсками завесы постепенно совершенствовались и налаживались. Осуществлялся переход от отрядной к территориальной организации. К апрелю в подчинении Парского появился автобронепотряд, конно-подрывной и авиационный отряды¹¹⁵. К концу апреля войска насчитывали 3 700 штыков, 661 саблю, 61 пулемет, 8 орудий, 5 броневедомостей, 2 авиаотряда, 2 подрывных отряда¹¹⁶.

Парский лично объезжал и осматривал войска, беседовал с бойцами. Как вспоминал он сам, «ближайшим и весьма скорым последствием этого было постепенное нарождение доверия к управлению... нас, до того почти неизвестных массе, стали признавать и понимать... Нарождавшиеся доверие и связь проявлялись

¹¹² Петров В. И. Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 149.

¹¹³ Директивы командования фронтов. Т. 1. С. 113–115.

¹¹⁴ Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии. С. 206.

¹¹⁵ Там же. С. 208–209.

¹¹⁶ Там же. С. 209.

вначале в формах, быть может, довольно наивных, но несомненно в искренних, а порою и трогательных: чуть ли не каждый товарищ, не говоря уже о командирах и представителях, непременно хотел лично видеть старшего начальника, непосредственно рассказать ему обо всем необходимом, обо всех нуждах своих или своей части, самому получить ответ и проч.; мы жили тогда еще в поезде, и наши вагоны буквально целые дни были переполнены посетителями из войск, неизменно добывавшимися личного свидания; нас приглашали к себе на собрания, митинги: красноармейцы услужливо приносили нам молоко, просили иногда хлеба, когда его бывало мало и проч.; нередко влетал в мой вагон какой-либо рабочий или солдат и просил, например, разменять деньги, посоветоваться, с каким поездом ему выгоднее проехать туда-то и т. д.; некоторые части, по своему почину, устраивали иногда торжественные шествия, или нечто вроде парадов и всегда приходили приветствовать, а отъезжавший на другой фронт товарищ бросился обнимать, заплакал и просил проводить его до вагона...»¹¹⁷.

В марте 1918 г. Парский подготовил и представил в Высший военный совет и в Совет народных комиссаров свой «Проект общих оснований для формирования, службы и подготовки войск Красной армии»¹¹⁸. В дополненном виде этот проект позднее рассылался в войска. Помимо этого он составил ряд инструкций и указаний для отрядов завесы — по боевой подготовке, ночным действиям и ведению разведки. Таким образом, Парский был не простым исполнителем, а продемонстрировал стремление помогать своими знаниями зарождавшейся Красной армии.

Как вспоминал сам Парский, «непосредственное управление войсковыми частями в начале было организовано совершенно случайно; затем, в апреле войсковые штабы начинают устраиваться на более правильных основаниях»¹¹⁹. Штаб Парского включал 12–15 сотрудников. При этом, «вполне понимая и уважая стремления наших военных руководителей того времени к скорейшей правильной воинской организации частей, тем не менее, скажу, что приходилось нередко встречать в их среде непонимание духа времени, недостаточную оценку настроений и действий массы,

¹¹⁷ Там же. С. 212–213.

¹¹⁸ Стебакова Л. Д. П. Парский (К 100-летию со дня рождения) // Военно-исторический журнал. 1966. № 10. С. 127.

¹¹⁹ Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии. С. 209.

стремившейся к своеобразному творчеству домашним, кустарным путем. И, если правда в понимании организации находилась, конечно, на их стороне, то искренний порыв, горячее одушевление и энергия в значительном большинстве случаев приходилось на долю работников, выдвинутых массой»¹²⁰.

В апреле подчиненные Парскому войска были сведены в Гатчинскую (позднее — 3-ю Петроградскую) дивизию. К моменту оставления Парским командования дивизия насчитывала «свыше 5 000 штыков, имела бригадную организацию и вполне благоустроенный и налаженный в работе штаб»¹²¹.

В мае 1918 г. бывший генерал был вызван в Москву по делу о бегстве с нарвского фронта матросов Дыбенко. Он был допрошен как свидетель по этому делу¹²². Наряду с ним допрашивали комиссаров нарвских отрядов и даже членов Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевича, Н. А. Сулеймана и П. П. Прошьяна. В столице Парский встретился с народным комиссаром по военным делам Л. Д. Троцким, которому сообщил о своем переутомлении, на что Троцкий предложил ему заняться литературным трудом, и Парский ответил согласием. Сегодня уже невозможно сказать, действительно ли имело место переутомление, о котором столько говорил бывший генерал, или же он с помощью этого нехитрого довода пытался избежать участия в Гражданской войне. Как бы то ни было, никакой роли этот аргумент в служебном положении Парского не сыграл.

Перед отъездом Парского из Москвы Бонч-Бруевич сообщил ему, что в связи с уходом бывшего генерала А. В. фон Шварца вскоре освободится должность военного руководителя Северного участка и Петроградского района завесы. Занять эту должность Бонч-Бруевич и предложил Парскому, так как «подходящих людей мало»¹²³. «Я просил времени подумать и на другой день, явившись к Вам, доложил, что в виду исключительно трудного положения Отечества и новой армии, я готов и на этот раз отдать остаток своих сил...», — вспоминал Парский¹²⁴. 26 мая назначение состоялось, а в начале июня Парский приехал в Петроград¹²⁵.

¹²⁰ Там же. С. 210.

¹²¹ Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии. С. 215.

¹²² РГВА. Ф. 40 808. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹²³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 122об.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ В качестве военрука Парский получал 1000 руб. жалования (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 272–274).

В антибольшевистском лагере Парского за его переход в числе первых на сторону Советской власти недолюбливали. Участник Белого движения, генерал-генштабист Ю. И. Гончаренко, создавший ряд публицистических произведений под псевдонимом Юрий Галич, писал о первых советских военспецах: «Вот тут ряд генералов в качестве «спецов» предложили красной власти свои услуги. В числе первых оказались — бывший драгомировский фаворит Бонч-Бруевич, Черемисов и серенький Парский, бывшие гвардейцы — вылощенный хлыщ Балтийский, Гатовский, Потапов, Павел Павлович Лебедев, приятель и однополчанин расстрелянного Духонина — Ратгэль, наконец, свитские генералы — хитроумный Зайончковский и Гутор»¹²⁶.

Северный участок и Петроградский район обороны со штабом в Петрограде должны были защищать «колыбель революции» со стороны Финляндии, где находились германские войска, но, в связи с обострением ситуации на Севере России, оборона этого региона также вошла в компетенцию участка.

20 июня 1918 г. датирована докладная записка Парского в Высший военный совет о необходимых мерах по укреплению обороны Петрограда¹²⁷. Предположительно, в конце июня — начале июля 1918 г. Парский разработал близкие по содержанию весьма секретные «Соображения на случай немецкого наступления». В этом документе он обоснованно отмечал, что из-за крайней стратегии войск столкновения с противником они не выдержат. Стратегическое положение красных частей, по мнению Парского, было крайне невыгодным. Балтийский флот был дезорганизован, хотя и представлял некоторую боевую силу, но был разбросан в районе Кронштадта, на Неве и Ладожском озере. Красная армия была не в состоянии упорно обороняться против регулярных германских частей. Парский считал необходимым, не принимая боя, всемерно замедлять движение противника, например, партизанскими действиями. Предлагалось занять линию обороны по рекам Волхов и Свирь¹²⁸. В то же время войска завесы лишь вели наблюдение за противником. По словам Парского, на новом посту ему удалось за два месяца организовать оборону промежутка между Ладожским и Онежским озерами, районов Олонца и Петрозаводска, где до того, по словам Парского, «не было ни одного солдата». Кроме того, Парский помогал Беломорскому

¹²⁶ Красный хоровод: Повести, рассказы. М., 2008. С. 238.

¹²⁷ Директивы командования фронтов. Т. 1. С. 197–200.

¹²⁸ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 6. Л. 13, 14, 17.

военному округу, совместно с флотом организовал оборону Невы и Ладожского озера и положил начало освещения Онежского озера разведкой. В это же время Парский занимал пост военного руководителя 4-й Петроградской дивизии. Комиссаром при нем был 23-летний Л. М. Глезаров¹²⁹, с которым им предстояло служить вместе и в других местах.

13 июня 1918 г. Парский запросил штаб Беломорского военного округа относительно вероятных действий в случае наступления противника, выяснял количество имевшихся сил и то, как организована охрана Мурманской железной дороги к северу от станции Званка¹³⁰. Вопрос был не праздным, поскольку ожидалась активизация действий интервентов, высадившихся на Мурмане. Высший Военный Совет разделял опасения Парского и месяц спустя, 16 июля Парский телеграфировал военкому Петроградского военного округа Б. П. Позерну с копией комиссару Иванову в Лугу: «Судя по переговорам моему по прямому проводу с М. Д. Бонч-Бруевичем, переданному Вам лично третьего дня начальником штаба [Л. К.] Александровым, Высший Военный Совет придает сейчас наибольшее угрожающее значение с севера, от Архангельска на Вологду и от Муррома¹³¹ на Петрозаводск...»¹³².

Видимо, Парский все же не хотел участвовать в разгоравшейся Гражданской войне. Как только замаячила перспектива вооруженных столкновений на Севере России, 22 июля 1918 г. он сообщил Бонч-Бруевичу: «В настоящее время я чувствую, что окончательно выбыл из сил. Современная работа военрука по существу своему требует не только кабинетного труда, но и значительных разъездов по войскам и наиболее важным участкам местности, очень длинных разговоров с войсками и т. п. Все это теперь мне решительно не по силам и вместе с тем, как опытный военный, привыкший всегда быть близким к войскам, я хорошо вижу, насколько все это необходимо; но и усиленный кабинетный труд чрезмерно утомляет меня; я чувствую, что мне необходим перебой всякой деятельности месяца в два»¹³³. Наряду с этими доводами, бывший генерал отметил, что с 1914 г. уходил в отпуск лишь однажды и только на три недели. «Все, что я мог,

¹²⁹ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 11. Л. 124.

¹³⁰ РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 33. Л. 7.

¹³¹ Ошибка документа — речь идет о Мурманске.

¹³² РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 34. Л. 147.

¹³³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 122 об. — 123.

то я сделал, работая всегда рука об руку с солдатом и офицером, а после переворота и с организациями искренно и добросовестно на пользу общего дела», — подытоживал военспец¹³⁴.

Помимо официального письма Бонч-Бруевичу Парский 22 июля 1918 г. направил ему и частное письмо, в котором напомнил подробности их майской встречи и пытался добиться желаемых служебных перемен: «При этом письме посылаю Вам мое официальное заявление на Ваше имя, как члена Выс[шего] Воен[ного] Совета, о невозможности для меня, вследствие совершенного переутомления, продолжать дальше нести обязанности военного руководителя Петроградского района.

Напоминаю Вам, что когда я был у Вас два месяца тому назад в Москве, Вы предложили мне занять настоящую должность, то я отказался сначала, имея в виду именно свое утомление от работы; согласился же только потому, что Вы лично обрисовали крайне трудное положение дела общего, трудность подыскать заместителя и т. д. Я согласился послужить дальше и на этот раз при условии, что это назначение будет для меня лишь временным — на 1–2 месяца, до той поры, как будет приискан надежный заместитель. Я чувствую, что «выдохся»... Посылаю Вам об этом официальное заявление, я надеюсь, что к нему отнесутся с доверием и искренностью, которой была проникнута и вся моя работа, начиная со дня отправления под Нарву в первых числах марта. Ушедши от командной службы, я мог бы при восстановлении здоровья принять дальнейшее участие в строительстве армии, например, на литературном поприще...»¹³⁵.

В связи с требованиями о выделении войск для переброски на Восточный фронт, 24 июля 1918 г. Парский телеграфировал в Высший Военный Совет: «За последнее время с занятием союзниками Мурмана получили весьма важное значение северные направления от Мурмана на Петрозаводск и от Архангельска, где можно ждать высадки на Вологду. Поэтому на эти направления были выделены наши войска»¹³⁶. Ситуация ему казалась неоднозначной, в связи с чем военспец просил руководящих указаний, так как «Северный участок, имея огромный фронт около 850 верст, получил важнейшие оперативные задачи, располагая весьма слабыми силами и выделив много войск в другие места. Дальнейшее выделение поставит нас в невозможность выполнять

¹³⁴ Там же. Л. 123.

¹³⁵ Там же. Л. 121–121об.

¹³⁶ РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 34. Л. 181.

лежащие на нас непосредственно оперативные задачи. В виду всего этого и категоричности полученных указаний [К. К.] Юренева¹³⁷ прошу срочно указаний Выс[шего] Воен[ного] Совета, поскольку это распоряжение относится к непосредственно подчиненным Военному Совету Северного участка войскам. Вместе с тем прошу установить определенный порядок в отдаче оперативных распоряжений, так как в противном случае мы не будем знать, чьи распоряжения следует исполнять, совершенно разбросали свои войска и будем слабы везде»¹³⁸. К 27 июля Парский готов был отправить на Восточный фронт 4,5 батальона, эскадрон, три легких батареи и две бронемашин¹³⁹.

Парский, очевидно, находился в кадровом резерве Бонч-Бруевича. Во всяком случае, есть свидетельства о том, что его наряду с другими генералами-генштабистами Л. М. Болховитиновым и Я. К. Циховичем прочили на посты военных руководителей армий¹⁴⁰.

Долгожданный двухмесячный отпуск Парский получил 2 августа 1918 г., однако полностью использовать его не смог. В отсутствие Парского вр. и д. военрука участка был Ф. В. Костяев (2–8 августа), а после его ареста — В. М. Гиттис (9 августа — 3 сентября) и Л. К. Александров (4–27 сентября). С 1 августа 1918 г. Парский числился в военно-исторической комиссии по описанию войны 1914–1918 гг. в качестве руководителя второго (оперативного) отдела¹⁴¹. Реально же участвовать в работе комиссии Дмитрий Павлович в это время не мог из-за военно-административной нагрузки.

К сентябрю 1918 г. Парский оставался военным руководителем Северного участка и Петроградского района обороны. 11 сентября он был назначен командующим только что созданного Северного фронта РСФСР¹⁴². Фронт подчинял себе все войска от Петрограда до Вятки, а местом расположения штаба был избран Ярославль¹⁴³.

Фактически Парский вступил в должность только 15 сентября, а до этого, по собственным словам, жил в деревне, в 60 вер-

¹³⁷ Юрнев Константин Константинович — член коллегии наркомата по военным делам. Речь шла о требованиях переброски войск на Восточный фронт в связи с занятием антибольшевистскими силами Симбирска.

¹³⁸ РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 34. Л. 182.

¹³⁹ Там же. Л. 201а.

¹⁴⁰ РГВА. Ф. 39 348. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

¹⁴¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1044. Л. 32; Д. 1043. Л. 596а об.

¹⁴² РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 361. Л. 173.

¹⁴³ Директивы главного командования Красной армии. С. 54.

стах от Москвы¹⁴⁴. Часть работников перешла в штаб Северного фронта из Северного участка и Петроградского района завесы. Среди них были начальник штаба фронта Ф. В. Костяев (30 октября на посту начальника штаба фронта его сменил выпускник ускоренных курсов Военной академии Н. Н. Доможиров) и комиссар Глезаров. Все они сравнительно неплохо сработались с Парским.

1 октября Парский и Костяев потребовали от продолжавшего функционировать военного совета Северного участка и Петроградского района (Л. К. Александров, А. И. Федотов) усиления кадров 6-й армии, прежде всего, штаба армии¹⁴⁵. В тот же день Парский из штаба 6-й армии телеграфировал в Петроград Генштаба Л. К. Александрову и военному комиссару Петроградского военного округа Б. П. Позерну об осложнениях в деле переформирования бывшего штаба Северного участка и Петроградского района в штаб Северного фронта: «На совещании 28 сентября было установлено, какой личный состав идет на формирование штаба фронта. В соответствии с этим были составлены списки всех лиц, которые подлежат переходу в штаб фронта. Между тем, сегодня мной получены сведения, что списки пересоставляются и, начиная с помощников начальников отделений и ниже, служащие военсовета на укомплектование штаба фронта не выделяются. Ввиду необходимости иметь как в штабе фронта, так и [в] формируемых армиях налаженные аппараты управления, совершенно отсутствующие в настоящее время, считаю все изменения в составленных предположениях, могущим [и] крайне вредно отозваться на боевой обстановке, сложившейся, к стати, крайне неблагоприятно в шестой армии. Точно так же считаю, что вся материальная часть должна быть передана в распоряжение фронта, в котором этих средств не только не достаточно, но не хватает на самые насущные надобности. Ввиду изложенного прошу весь личный состав, указанный в списках, ни в коем случае не задерживать, точно так же не препятствовать выделению материальных и технических средств полностью на фронт. Главнокомандующий Северным фронтом Генштаба Парский»¹⁴⁶.

¹⁴⁴ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 108.

¹⁴⁵ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 159.

¹⁴⁶ Архив семьи Глезаровых (Москва; автору этих строк удалось добиться передачи уникального архива Глезаровых на государственное хранение в РГВА). Парский значился командующим Северным фронтом, но по дореволюционной традиции именовал себя главнокомандующим.

Северный участок и Петроградский район упразднились. К 5 октября всем отделам военного совета участка было предписано сдать все дела и имущество, кроме находящегося в штабе Петроградского военного округа, отделам сформировавшегося штаба Северного фронта¹⁴⁷. Штаб участка и района считался расформированным с 15–16 октября 1918 г., личный состав обращен на формирование управления Северного фронта, а оперативный отдел выделен для формирования штаба Петроградского военного округа. Сотрудники, не получившие назначений в штаб фронта, автоматически переводились в штаб Петроградского окружного комиссариата по военным делам¹⁴⁸.

28 сентября 1918 г. Парский докладывал в Штаб РВСР: «Приступил к спешному комплектованию штаба фронта... Завтра утром предполагаю наспех закончить подбор сотрудников, из коих соорудить и спешно направить в Ярославль необходимый передовой эшелон штаба. Сам с начальником штаба и несколькими помощниками завтра же спешно выезжаю в Вологду, где сделаю все, что смогу, чтобы оживить и поправить дело. Оттуда через несколько дней отправлюсь в Вятку, чтобы организовать тамошние силы, дать необходимые указания и войти в непосредственную связь с левым флангом Восточного фронта. Затем по возвращении в Вологду снова буду видеть Гиттиса¹⁴⁹ и оттуда выеду в Ярославль — Москву для личного доклада Революционному военному совету, если он будет там, обо всем виденном и сделанном. Весь этот маршрут потребует, вероятно, до 12 дней времени. Из Вологды и из Вятки пришло особое дополнительные донесения»¹⁵⁰. Фронт в этот период Парский считал неготовым к наступательным действиям из-за отсутствия резервов.

Обоснованным желанием Парского перед вступлением в должность было лично ознакомиться с состоянием только что возникшего фронта. По этой причине он решил отправиться в поездку по фронту и получить непосредственное представление о том, что происходит на местах.

Содержание намеченного Парским маршрута инспекции и ее цель известны из предписания, которое 29 сентября 1918 г. получил

¹⁴⁷ РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

¹⁴⁸ Письмо начальника штаба Петроградского окружного комиссариата по военным делам Генштаба Л. К. Александрова члену РВС Северного фронта Л. М. Глезарову от 31.10.1918 (Архив семьи Глезаровых, Москва).

¹⁴⁹ Владимир Михайлович Гиттис в это время командовал 6-й армией Северного фронта.

¹⁵⁰ Директивы командования фронтов. Т. 1. С. 241, 243.

начальник разведывательного отдела штаба Северного участка и Петроградского района, а затем штаба Северного фронта генштабист А. К. Малышев (в должности с 28 сентября по 20 октября 1918 г.). Этот специалист должен был следовать вместе с Парским в командировку через города Вологда — Ярославль — Серпухов — Москва — Епифань — Скопин для осмотра частей и штабов на фронте¹⁵¹. Из всего маршрута в полосе Северного фронта находились только Вологда (штаб 6-й армии) и Ярославль (штаб фронта). Необходимость приезда в Москву могла быть объяснена наличием там центральных военных учреждений. Однако включение в инспекцию Серпухова, до перевода в него в ноябре 1918 г. Полевого штаба Реввоенсовета Республики (РВСР), а также Епифани и Скопина, располагавшихся в полосе Южного, а никак не Северного фронта, не было понятным.

Вместе с Парским ехали его супруга и личный секретарь Е. Г. Парская¹⁵², начальник штаба фронта Костяев и личный секретарь при нем О. А. Костяева, Малышев и состоявший для поручений при Парском Мошелов, а также курьеры Будкин и Викмер. Делегацию Парский гордо именовал головной подвижной ячейкой штаба фронта¹⁵³. Параллельно, по свидетельству Парского, «небольшая ячейка, во главе с Генштаба Стасевичем, комендантом штаба и некоторыми другими членами командирована была в Ярославль, где и приступила к разрешению всех вопросов по будущему расквартированию штаба»¹⁵⁴.

Каким образом управлялся фронт в отсутствие командующего и его начальника штаба, неизвестно. Как неизвестно и то, кто позволил Парскому бросить свой пост и отправиться в столь длительный вояж, в особенности в период формирования штаба и во время развернувшегося на Севере наступления на Вельск, когда присутствие Парского на месте было особенно важно. Парский не оставил заместителя, вместо него оставались члены РВС (но, по имеющимся данным, до конца октября 1918 г. они отсутствовали). Должность начальника штаба замещал бывший Генштаба генерал-майор А. И. Федотов (ранее — начальник снабжений Северного участка и Петроградского района, а с 1 но-

¹⁵¹ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 17.

¹⁵² Парский устраивал на службу к себе и других родственников. Например, приказом по штабу Северного участка и Петроградского района № 170 от 2 октября 1918 г. в штаб на должность письмоводителя была назначена Г. И. Парская (Архив семьи Глезаровых, Москва).

¹⁵³ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 108об.

¹⁵⁴ Там же.

ября 1918 г. — член комиссии для ликвидации дел Северного участка и Петроградского района¹⁵⁵, в дальнейшем — инспектор кавалерии штаба Северного фронта), а затем Н. Н. Доможиров, ставший в итоге начальником штаба фронта.

Прочной связи со штабом фронта у Парского не имелось. Таким образом, почти на месяц Северный фронт оказался лишен управления. Одно это было тяжелым должностным преступлением в военное время. Но серьезного наказания Парский не понес. Впоследствии он заявлял, что всегда был на прямом проводе со штабом фронта, так что оставлять заместителей необходимости не было¹⁵⁶.

В ходе следствия Малышев показал, что реальный маршрут инспекции Парского существенно отличался от того, что было в предписании и проходил между городами Вологда — Вятка — Пермь — Ярославль — Москва — Козлов — Епифань. Таким образом, Парский собирался побывать на Восточном фронте (Пермь, Вятка), а также проехать в штаб Южного фронта в Козлове, после чего вновь побывать в Москве. Как свидетельствовал Костяев, предполагалось даже организовать встречу инспекции с председателем РВСР Л. Д. Троцким¹⁵⁷. Совершенная на обратном пути из Козлова остановка на день в Епифани Тульской губернии, где проживали родственники Парского (до революции там проживал его отец, ветеран Крымской войны Павел Петрович Парский¹⁵⁸), носила частный характер и была связана с личными делами командующего.

Инспекция выехала из Петрограда на фронт вечером 28 сентября 1918 г., с 30 сентября по 2 октября инспекция находилась в Вологде, откуда выехала в Вятку¹⁵⁹. 5–6 октября Парский со спутниками были в Ярославле, где было подготовлено помещение для штаба и налажена связь с Москвой и Петроградом¹⁶⁰, 6–7 октября Парский выехал в Москву, где встречался с начальником штаба РВСР Н. И. Раттэлем, а 10 октября делал доклад Вацетису в Козлове. По возвращении из Козлова Парский вновь побывал в Москве во Всероссийском Главном штабе и у главного начальника снабжений¹⁶¹. Даже после этого он

¹⁵⁵ РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

¹⁵⁶ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 111об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 44.

¹⁵⁸ РГВИА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

¹⁵⁹ Северный фронт. Сб. док. М., 1961. С. 130–131.

¹⁶⁰ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 107об.

¹⁶¹ Там же. Л. 111.

отправился не в Ярославль, а в Петроград, где пробыл около недели с 17 по 23 октября, собрал штаб и уехал в Ярославль, куда и прибыл 23 октября¹⁶². Таким образом, реально к исполнению своих обязанностей Парский приступил практически на полтора месяца позднее назначения. Поездка его впоследствии была признана необходимой, но излишне затянутой.

Не менее подозрительными были действия Парского в тех местах, которые не относились к сфере вверенного ему фронта. Не исключено, что в Епифани (недалеко от Скопина, в котором в 1908–1909 гг. Парский командовал 140-м пехотным Зарайским полком) Парский контактировал со скопинскими кадетами — братьями Павлом и Сергеем Федоровичем Кичкиными. Во всяком случае после поездки Парский и председатель РВС Северного фронта 26 октября обратились к председателю Рязанской ГубЧК с просьбой о направлении С. Ф. Кичкина в Ярославль для назначения в штаб фронта казначеем. В документе использовалась революционная фразеология: «Работники очень нужны... примите, товарищ, мой привет и лучшие пожелания»¹⁶³. Эти действия вызвали беспокойство как скопинских чекистов, так и Рязанской ГубЧК¹⁶⁴, так как Кичкин находился в заложниках от города Скопина. Мотивы Парского понять трудно. Возможно, в обстановке разнузданного террора, характерной для осени 1918 г., он пытался спасти своего знакомого. Вместо этого Парский навлек подозрения на себя. Однако серьезных последствий заступничества за представителя враждебной большевикам партии для Парского все же не имело, а следствие по этому обвинению повело себя довольно либерально.

Некоторые спутники Парского понимали, что затягивать инспекцию не следует. Особенно торопил своего шефа Костяев, наученный горьким опытом недавнего ареста. По его мнению, достаточно было выяснить положение на фронте 6-й армии, не разъезжая по другим фронтам. Костяев полагал, что на это достаточно 5–6 дней. Поездка на три дня в Пермь казалась неоправданной.

Излишне затянутым и нецелесообразным подобный вояж, судя по его позднейшим показаниям, считал и Малышев. Тем не менее поездка растянулась, по самым скромным подсчетам, на 16 дней. Реально же заняла практически месяц. За это время

¹⁶² Там же. Л. 112.

¹⁶³ Там же. Л. 34.

¹⁶⁴ Там же. Л. 33, 34.

Парский со свитой посетили штаб 6-й армии, штаб Уральского военного округа в Вятке, где формировалась Вятская дивизия, штаб 3-й армии в Перми, штаб РВСР, побывали и в штабе Южного фронта в Козлове, где состоялась встреча с главкомом И. И. Вацетисом. В поездке Парский знакомился с оперативной обстановкой на фронтах 6-й и 3-й армий, изучал организацию снабжения, перенимал опыт соседей. Малышев отмечал, что высказать отрицательное отношение к посещению ненужных пунктов он не мог «в силу военной этики»¹⁶⁵. Впоследствии при расследовании действий Парского его поездка в Вологду, Вятку, Пермь была признана оправданной по достигнутым результатам¹⁶⁶.

Довольно быстро о невероятном путешествии, затеянном Парским, стало известно большевистскому руководству. Около 12 октября Малышев в поезде Вацетиса, следовавшем в Арзамас, случайно встретил своего однокашника по курсам академии Г. И. Теодори¹⁶⁷, которому рассказал об этой поездке. Теодори, не упуская случая насолить старым генштабистам, многократно преувеличил услышанное (не запомнив точно названий городов, в которых побывал Парский, заявлял, что тот был, например, в Шуе, а также, что ни один пункт маршрута не находился в полосе Северного фронта, что также было неверно) и доложил о поездке Парского не только Вацетису, но и неофициально рассказал об этом члену Реввоентрибунала Республики К. Х. Данишевскому, с чего и началось дело в отношении Парского (по обвинительному акту это было сделано Малышевым). Поступок Теодори вряд ли можно назвать товарищеским, если рассматривать случившееся с позиции корпоративного единства генштабистов. Однако эти действия можно назвать демонстрацией лояльности большевикам и следованием пользе дела военного строительства в Советской России. Впрочем, самому Теодори подобная лояльность не помогла избежать репрессий.

Самодетельность командующего Северным фронтом беспокоила главкома Вацетиса. В середине октября 1918 г. он теле-

¹⁶⁵ Там же. Л. 34об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 3.

¹⁶⁷ Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Дело Г. И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 32–37; Он же. «Я бы поставил Вас к стенке...». Штрихи к портрету основоположника советской военной разведки Г. И. Теодори // Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 380–414.

графировал Парскому: «Командфронтом Парскому предлагаю немедленно донести, почему до сего времени не организован в Ярославле штаб его фронта, несмотря на мой категорический приказ и почему штаб фронта и сам коман[дующий] фронтом переехали [в] Петроград без моего разрешения»¹⁶⁸. Не могли нравиться Вацетису и попытки Парского удержать в своих штабах дефицитных специалистов Генерального штаба. 21 октября Вацетис телеграфировал: «Число генштабистов должно быть оставлено Вами согласно прежних моих указаний и никаких отступлений от этой нормы я не допускаю. Остальные все генштабисты должны быть командированы [в] мое распоряжение»¹⁶⁹.

За время поездки часть спутников Парского покинула инспекцию. Например, Малышев был переведен в Москву, получив в октябре назначение на должность для особых поручений при начальнике Полевого штаба РВСР. Не дождавшись Парского из Епифани, Костяев с женой уехали отдельно.

На всех важных встречах присутствовала супруга Парского Елена Григорьевна, которая в условиях нехватки образованных и надежных работников исполняла обязанности личного секретаря при муже. Семейственность широко распространилась в штабе Северного фронта. Точно так же поступал и его начальник штаба Костяев, секретарем при котором была Ольга Андреевна Костяева¹⁷⁰. Письмоводителем при сменившем Костяева Н. Н. Доможирове являлась его супруга Е. Я. Доможирова-Новицкая¹⁷¹. Однако все это не помешало Костяеву позднее обвинить исключительно одного Парского в злоупотреблении своим положением и незаконности привлечения жены на роль секретаря, осведомленного о содержании секретных документов. Несомненно, присутствие Парской и ее вмешательство в военные вопросы раздражали генштабистов. Если секретарем при муже она могла быть, то едва ли могла являться доверенным лицом по особо важным вопросам. Некоторые, как, например, Малышев, все же ее приняли. Впрочем, даже Малышев считал, что вместо Парской для оперативных вопросов существуют «лица Генштаба»¹⁷². По другим данным, влияние Парской на кадровые вопросы стало причиной просьб

¹⁶⁸ РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 166.

¹⁶⁹ Там же. Л. 329.

¹⁷⁰ РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 166. Л. 199.

¹⁷¹ Санников Л. И. Военные специалисты и дело «Весна» // Известия Русского Севера (Архангельск). 2012. Ноябрь. № 5 (17). С. 42.

¹⁷² РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 39.

об уходе с Северного фронта группы выпускников ускоренных курсов Военной академии: Н. Н. Доможирова, А. К. Малышева, В. Е. Стасевича, К. А. Умнова¹⁷³. Беспокойла окружающих болтливость, экспансивность и восприимчивость Парской к гипнозу¹⁷⁴. Эти черты Парской делали возможным разглашение ею секретных сведений.

Парская была секретарем при муже фактически с тех пор, как он поступил в Красную армию, с 26 февраля 1918 г. Супруге Парский доверял и некоторые ответственные поручения. Так, например, 25 октября 1918 г. она была командирована РВС Северного фронта в Москву¹⁷⁵, чтобы выяснить вопрос о направлении на фронт генштабистов, а также уточнить, относились ли к Северному фронту Псковская и 2-я Новгородская дивизии. Помимо этого требовалось обсудить вопрос о штабе 7-й армии и о его персональном составе. Парский в качестве командарма видел Е. А. Искрицкого, а начальником штаба — В. Е. Медиокритского, которые и получили соответствующие назначения 1 ноября. Впрочем, каждый из них пробыл на новых должностях очень короткий срок, причем Медиокритский впоследствии был обвинен в принадлежности к антибольшевистскому подполью.

Кроме того, Парская должна была получить общую ориентировку о положении на фронтах (особенно в отношении Финляндии и действий немцев), так как ее супруг допускал возможность скориндированного наступления союзников на Советскую Россию, в том числе с территории Финляндии, что особенно беспокоило бывшего генерала. Наконец, Парская затрагивала вопрос об освобождении арестованных в Петрограде генштабистов и другие вопросы. Все эти вопросы Парская по старому знакомству 27 октября изложила Малышеву для передачи новому начальнику штаба РВСР Костяеву (22 октября сменил Н. И. Раттэля), которого не было на месте. Малышев записал вопросы, но заявил, что давать ответы не уполномочен, а по некоторым вопросам не был в курсе дела. Впрочем, миссия Парской успехом не увенчалась. На следующий день Парская была принята Костяевым в присутствии члена РВСР С. И. Аралова и генштабиста Г. И. Теодори. Парская повторила прежние вопросы. Однако в официальной обстановке супруга командующего фронтом была воспринята начальником штаба РВСР, несмотря на знакомство, как частное

¹⁷³ Там же. Л. 45.

¹⁷⁴ Там же. Л. 5, 122об.

¹⁷⁵ Там же. Л. 20.

лицо, тогда как запрашиваемые секретные сведения могли быть предоставлены только генштабисту, официально командированному от штаба фронта¹⁷⁶. 28 октября 1918 г. в кабинете Костяева состоялось совещание в присутствии Костяева, С. И. Аралова, Малышева и Теодори. На совещание пришла Парская, задававшая вопросы по особо секретным делам.

Костяев в тот же день телеграфировал Вацетису просьбу об отчислении Парской от должности секретаря, так как она в курсе секретного постановления о 2-й Новгородской дивизии. Возможно, причиной телеграммы было не столько беспокойство о сохранении сведений в секрете, сколько стремление продемонстрировать лояльность властям. Источник своей осведомленности Парская Костяеву не назвала. Позднее заявляла, что слышала об этом в вагоне поезда¹⁷⁷. После неудачи этой командировки, Парский, видимо, решил быть осторожнее. В связи с инцидентом было назначено следствие, которое вел отдел военного контроля при РВСР, а позднее Реввоен трибунал Республики.

Недоумевали по поводу Парской и представители партии. Член РВС Северного фронта Е. М. Пятницкий познакомился с четой Парских только 12 октября, но участие супруги командующего в заседаниях вызывало у него удивление. Во всяком случае, такое заявление он сделал в своих показаниях по делу Парского¹⁷⁸.

Уже 30 октября последовала телеграмма председателя Реввоен трибунала при РВСР Данишевского С. И. Аралову из штаба Восточного фронта, находившегося тогда в Арзамасе, о временном отрешении Парского от должности и вызове его в Москву. Данишевский потребовал немедленно отправить следователя в Ярославль для проведения расследования, причем следователю надлежало предоставить право ареста служащих штаба, не исключая возможности ареста самого Парского и его жены¹⁷⁹. Однако тогда Парский сохранил свой пост, но его заключения на этом не кончились.

Деятельность Парского не сводилась исключительно к исполнению должностных обязанностей командующего фронтом. 30 октября 1918 г. он, например, подготовил докладную записку о поражении Германии и его отражении на Северном фронте,

¹⁷⁶ Там же. Л. 37об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 42.

¹⁷⁸ Там же. Л. 40.

¹⁷⁹ Там же. Л. 21.

в которой были выражены опасения в отношении расширения масштабов интервенции на Севере¹⁸⁰.

Парский просил немедленного усиления Северного фронта до 20–25 000 человек, считал, что для победы необходимы сильные резервы в центре и воздержание от частных наступлений¹⁸¹. Он планировал запереть противника в районе Архангельска и портов Белого моря, а весной перейти в энергичное наступление. Военный центр, по мнению Парского, следовало перенести из Петрограда в Вологду или Бологое, чтобы не опасаться удара по Петрограду. В других документах Парский высказывал предположение, что именно на Севере начнется наиболее масштабное вторжение интервентов¹⁸². Предложения Парского сводились к тому, чтобы иметь в Московском районе общий резерв, а резерв фронта — в западной его части, в районе Званка — Чудово и Бологое¹⁸³. Стоит отметить, что к этому времени еще не было завершено формирование 7-й армии, в задачу которой должна была входить оборона Петрограда. Кроме того, командующий войсками фронта постепенно увеличивал свои требования относительно присылки подкреплений. Теперь он считал необходимым наличие в западной половине фронта 30 000 человек, причем только для обороны, тогда как для наступления требовалось еще 10 000 человек¹⁸⁴. По оценке Парского, изложенной в записке, силы противника на Севере были еще сравнительно невелики — против 6-й армии было сосредоточено не более 15 000 человек, а на Мурмане имелось не более 8 000 человек. Итого — в пределах 23 000 человек. Парский допускал возможность подчинения Финляндии англичанам и французам, под давлением которых финны могли присоединиться к интервенции. В перспективе северная интервенция могла быть расширена до 55 000 человек без особого напряжения для противника. Генштабист резюмировал: «Трудно сказать определенно, задавался ли неприятель серьезными намерениями по отношению Котласа, Вятки и Вологды или же только старался пугать нас, поставив под известную угрозу тыл левого фланга Восточного фронта, т. е. преследуя цели демонстративные. Думаю, что последнее было более вероятно, по крайней мере, до сих пор. Иначе нет сомнения в том, что

¹⁸⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 319.

¹⁸¹ Там же. Л. 323.

¹⁸² Там же. Л. 324.

¹⁸³ Там же. Л. 326.

¹⁸⁴ Там же. Л. 327.

сюда были бы двинуты большие силы, которые действовали бы более энергично; совершенное ничтожество наших сил и средств на указанных направлениях, все же удерживающих неприятеля, и что, конечно, небезызвестно ему, как нельзя лучше подтверждает сказанное.

Однако совершенно неправильно думать, что неприятель и впредь будет действовать на нашем Севере подобным образом»¹⁸⁵.

Больше всего Парский опасался удара противника по станции Званка. С овладением этим пунктом Северный фронт можно было разрезать пополам, угрожая тылу 6-й армии, а также Петроградскому району и левому флангу Северного фронта. Станция Званка в дальнейшем сыграла свою роль в следственном деле Парского.

Видя, что обвинений против него становится все больше, Парский решил сделать ответный ход. 12 ноября он написал витиеватое письмо председателю РВСР Л. Д. Троцкому, на поддержку которого рассчитывал. Письмо было следующим:

«Секретно. В собственные руки.

Глубокоуважаемый Лев Давыдович,

Чуть ли не месяц тому назад хотел я обратиться к Вам с подобным же письмом, но так как реальность ярче, настойчивее всего, то и тут пришлось поступиться своими чувствами и личными переживаниями в пользу общего дела, в пользу острых нужд момента.

Я хорошо понимаю, что и сейчас мы живем в такое время, когда все личное нужно глушить в своем сердце и далеко отбрасывать в пользу общего, но именно из-за этой-то пользы, во имя дальнейшей плодотворной работы на страдной ниве Красной армии я и обращаюсь к Вам.

С момента своего назначения на пост командарма¹⁸⁶ Сев[ерного] фронта, я начал остро ощущать, что вокруг меня создается сверху атмосфера какого-то непонятого предубеждения, вылившаяся с течением времени в форму уже определенного, систематического преследования и травли, пользуясь всем и вся; при этом, как ни странно, ставилось в вину, наряду с недостаточной энергией, как бы и широкое ее проявление, как объезд фронта; не зная, в чем дело, я, тем не менее, почувствовал и чувствую, чем дальше, тем больше, что становлюсь предметом какой-то гнусной

¹⁸⁵ Там же. Л. 328об.-329.

¹⁸⁶ Т. е. командующего армиями Северного фронта.

интриги, но совершенно в ней не могу разобраться и отдать отчета.

Все это ставит меня в невыносимое нравственное положение, тяжело отстаивается на деле и еще тяжелее может сказаться на нем в будущем.

Прослужив 8 месяцев в Красной армии, беззаветно отдав ей все свои мысли, стремления и силы, не считаясь с бесконечной усталостью за время войны и известной подорванностью своих сил, я все же не мог отказаться от призыва Реввоенсовета Республики стать во главе трудного дела — командования фронтом. И я принял за него со всею энергией, которая еще сохранилась во мне.

Путем напряжения, путем страшной затраты сил не только мной, но и всеми моими товарищами по штабу, нам удастся преодолевать все препятствия, и наша фронтовая работа совершенствуется со дня на день, не взирая на неблагоприятные условия.

Но вот, в дополнение определенно сложившегося у меня впечатления о какой-то недоброжелательности ко мне сверху, разыгрывается инцидент с моим неожиданным отозванием в Москву, арестом, производством расследования и проч., причем, по-видимому, только благодаря Вашему настойчивому вмешательству это дело и было прекращено.

Не подумайте, многоуважаемый Лев Давыдович, что я вспоминаю об этом с чувством какой-то личной обиды — нет, но я не могу не видеть, вместе с тем, всей искусственности подстроенной картины моей мнимой вины и в том самом, несомненно, продолжения все той же непонятной для меня интриги. Обиден не самый факт ареста, а незаслуженная в высшей степени подозрительность и то, что наряду с известным доверием, выразившимся в моем назначении на такой пост и вполне подтверждающимся, как мне казалось не раз, Вашим внимательным ко мне отношением, может существовать параллельно там же, вверху, какаля-то систематическая травля и преследование¹⁸⁷.

Бороться со всем этим я не могу; для этого нет и времени, да и охоты оправдываться по мелочам в такое большое время, как мы живем, нет охоты окунаться во все эти интриги. С другой стороны, оставить это так, очевидно, нельзя, так как интрига эта, несомненно, имеет какие-то корни; доказательством последнему может служить хотя бы и то, что сейчас, после уже прорвавшегося так сказать эксцесса с моим арестом, это систематическое и в высшей степени несправедливое недовольство моей деятельностью про-

¹⁸⁷ Надпись на полях красным карандашом: Арест в Москве.

должается, в чем нельзя не видеть вполне определенного желания тем или иным способом заставить меня отойти от фронта.

Эта же мысль как бы находит себе подтверждение и в том предложении, какое мне сделал главком Вацетис во время моего вызова в Москву, а именно: обещая посодетьствовать моему какому-либо другому устройству, если я после всего происшедшего сочту неудобным для себя оставаться на занимаемом посту, он предлагал мне подать об этом соответствующее заявление.

Несмотря на понятное чувство горечи и известной личной обиды, я считал, что мой отход в настоящий момент является недопустимым, в видах пользы общего дела.

С другой стороны все продолжающееся настойчивое стремление как бы обвинить меня в бездеятельности и поставить единственным ответчиком за все и про все, заставляет меня предполагать возможность того, что меня сорвут с фронта в такой момент, когда это будет еще более остро чувствительно для общего дела, чем в настоящее время.

Поэтому я и обращаюсь к Вам, как к единственному лицу, могущему осветить мое положение, с просьбой дать совет и указание, как я должен поступить в подобном случае?

Если, по Вашему мнению, моя работа действительно недостаточно энергична и не отвечает остроте момента, то, разумеется, я готов немедленно отойти от дела, дав дорогу другим, более, быть может, молодым и желательным кандидатам. И в таком случае, я готов посвятить свои силы какой-либо другой деятельности вроде литературной, педагогической и проч.

Мне остается добавить, что взяв добровольно и вполне сознательно в свои руки знамя Красной армии в острый момент ее зарождения, я, как сейчас, так и впредь, ни в каком случае не откажусь бороться до конца под ним за Народную Свободу.

Хотелось бы теперь горячо выразить Вам свою глубочайшую сердечную признательность за всегдашнее доброжелательство и внимание, которые неизменно я встречал с Вашей стороны и которым я, несомненно, обязан тем, что дело, искусственно созданное против меня, заглохло в момент его зарождения.

В ожидании Ваших указаний глубокоуважающий и искренно преданный

Дмитрий Парский

г. Ярославль

12 ноября 1918 г.»¹⁸⁸.

¹⁸⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 63. Л. 5–6об.

Ответ Троцкого неизвестен, но это письмо не спасло Парского от ухода со своего поста. Обстоятельства оказались сильнее административных возможностей и личных связей военспеца.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения военного руководства в отношении Парского, стала история с 15-м пехотным Юрьевским полком и директивой от 17 ноября 1918 г.

Предыстория инцидента была следующей. В связи с окончанием мировой войны и уходом немцев с оккупированных территорий, главком Вацетис 16 ноября приказал 7-й армии перейти в наступление и овладеть Нарвой и Псковом, чтобы их не заняли белые. Обстановка была неясной. Петроград находился под постоянной угрозой нападения со стороны Финляндии.

Применительно к Юрьевскому полку мотивы Вацетиса, предположительно, были следующими. На сентябрь 1918 г. в полку служило 40 % эстонцев. Однако Вацетис не учел потери, из-за чего 60 % состава полка оказалось среди больных и раненых. Как следствие, национальный состав части в результате боев полностью изменился. Парский и Глезаров решили, что в основе распоряжения Вацетиса о переброске полка лишь факт формирования последнего в Ямбурге и наличие большого процента эстонцев¹⁸⁹. Данное обстоятельство могло сыграть свою роль при взятии Нарвы, но, как указано выше, национальный состав полка за два месяца изменился. Как следствие, Парский осмелится не исполнить приказ. Более того, он выступал за проведение активных действий в направлении Финляндии, рассчитывая на союз с красными финнами¹⁹⁰. Эти самостоятельные планы вызывали обеспокоенность главкома И. И. Вацетиса.

Уместна характеристика Парского, данная Вацетисом в связи с анализом Рижской операции 1917 г.: «При своих высоких положительных качествах, Парский страдал многими крупными недостатками, между которыми немалое место занимал бюрократизм и хлесткая фраза»¹⁹¹.

По причине сложной фронтовой обстановки Парский не спешил бросать все силы на Нарву и Псков. 17 ноября Парский передал директиву № 0259 о переходе 7-й армии в наступление по девяти адресам¹⁹², в том числе на Восточный и Южный

¹⁸⁹ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 87об.

¹⁹⁰ Директивы командования фронтов. Т. 1. С. 470.

¹⁹¹ РГВА. Ф. 39 352. Оп. 1. Д. 54. Л. 81–82.

¹⁹² Передана в Петроград в штаб Петроградского военного округа, командиру 7-й армией, военному комиссару Петроградской коммуны и начальнику

фронты (якобы для общей ориентировки), что не вызывалось необходимостью. Директива передавалась шифром через ответственных за прием секретных телеграмм лиц. Парский за годы службы был убежден, что директивы должны сообщаться всем фронтам для координации действий. Теперь это выстраданное в старой армии знание он пытался применить на благо Красной армии. Впрочем, подобные действия явно выходили за пределы его компетенции. Тем более, что Парский не учитывал политической обстановки, наличия антибольшевистского подполья в РККА, что предполагало особые меры секретности.

В этой же директиве 10 пунктом шло распоряжение о переброске Юрьевского полка на станцию Званка¹⁹³. В тот же день Данишевский и Аралов телеграфировали комиссару Глезарову в штаб Северного фронта с копией Троцкому о том, что передача директивы несекретным порядком и неисполнение приказа в отношении Юрьевского полка возмутительны¹⁹⁴.

Юрьевский полк 19 ноября со станции Плесецкой был направлен в Вологду, далее — на станцию Званка, а в итоге к 22 ноября он оказался в Ямбурге, как и хотел Вацетис. Парскому пришлось давать объяснение своим действиям. 24 ноября он отметил, что Юрьевским полком он считал себя вправе распоряжаться как командующий фронтом, отправив его на станцию Званка вместо Ямбурга, как хотел Вацетис. Держать полк между северо-западным и северным театрами военных действий Парский считал наиболее целесообразным, поскольку опасался угрозы со стороны Финляндии и Мурмана, а 7-й армии требовались для наступления не только армейский, но и фронтовой резервы, хотя Юрьевский полк для этого был слишком мал.

Член РВС Северного фронта Л. М. Глезаров поддержал Парского. К сожалению, его доклад сохранился фрагментарно в виде копии, составленной Глезаровым для себя, однако уцелевшую часть важно воспроизвести в полном объеме:

морских сил, в Вологду командующему 6-й армией, в Серпухов главнокомандующему, в Смоленск командующему Западным районом обороны, в Арзамас командующему Восточным фронтом, в Козлов командующему Южным фронтом.

¹⁹³ Директивы командования фронтов. Т. 1. С. 466. Юрьевский полк тогда составлял 1250 человек при 110 лошадях, 19 пулеметах и 6 бомбометах. Полком командовал Яновский при военкоме Янсоне. Однако на станции не имелось достаточно запасов продовольствия и помещений для полка.

¹⁹⁴ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 24.

Доклад
члена Реввоенсовета Северного фронта
Л. М. Глезарова по вопросам, предложенным Революцион-
ным трибуналом Республики.

I. О подписании директивы комсев Парского за № 0259, содержащей неисполнение оперативного приказа главкома и порядок рассылки каковой комментируется Реввоенсоветом Республики как разглашение государственной тайны.

Докладывая по сему вопросу, должен, прежде всего, заявить, что считаю себя в полной и равной мере с командующим фронтом Парским ответственным не только за скрепление своей подписью директивы командующего, но и по существу самой директивы, так как вполне разделяю соображения комсева, вызвавшие ее и вполне соглашаюсь с распоряжениями комсева, изложенными в упомянутой директиве.

I[1]. Касательно направления б[ывшего] 15-го Петроградского Юрьев-Ямбургского полка в Званку вопреки переданному приказанию главкома о переброске его в Ямбург докладываю нижеследующее:

Я, равно как и комсев, полагал, что мотивом, побудившим главкома к переброске именно этого полка и именно в Ямбург послужило то обстоятельство, что указанный полк формировался до отправления его на фронт в г. Ямбурге и имел в своем составе значительное число эстонцев; ясно, что такой качественный состав части сыграл бы значительную роль при исполнении поставленной боевой задачи (занять Нарву).

Но, к сожалению, в настоящее время состав полка сильно отличается от первоначального, так как в непрерывных боях он потерял и почти всех эстонцев и часть прежнего командного состава и, будучи пополнен разнообразным людским элементом, уже не представляет собою той крепкой, сплоченной и стойкой части, каковой он являлся в начале своих действий на Северном фронте.

Боевой же состав полка — 640 штыков — не мог, конечно, послужить фактором переброски его в район непосредственных действий против Нарвы, так как в районе Ямбург — Гатчина сосредотачивается большая часть 6-ой стрелковой дивизии — ок[оло] 4 000 штыков.

Таким образом, переброска Юрьевского полка именно в Ямбург, по моему глубокому убеждению, не соответствовала бы действительным намерениям главкома.

Между тем, политическая обстановка, требующая от нас активных действий на направлениях нарвском и псковском, предписывает нам сугубую осторожность по отношению к ближайшим подступам к Петрограду со стороны Карельского и Междоозерного перешейков, наименее в данный момент обеспеченных от успешного нападения неприятеля и наиболее грозных по последствиям в случае активных действий его. К тому же положение на фронте 6-ой армии к этому времени значительно ухудшилось. Все это выражено и в директиве главкома. «Удерживаясь прочно на фронте от Котласа до Финского залива», — приказывает главком, чем как будто приостанавливает выполнение ранее возложенной на 6-ую армию задачи (взять Архангельск) и обращает этим наше слабое положение»¹⁹⁵.

В ноябре 1918 г. представители Полевого штаба РВСР и Реввоентрибунала Республики генштабист П. М. Майгур и следователь А. К. Илюшин приезжали в штаб Северного фронта для расследования. Переговоры Данишевского по прямому проводу с П. М. Майгуром открыли картину совершенно ненормальных взаимоотношений между сотрудниками штаба Северного фронта, прежде всего, между комиссарами Глезаровым и Пятницким¹⁹⁶. Эти события даже затмили расследование упущений самого Парского. Майгур тогда заявил: «Выясняются крайне ненормальные отношения членов реввоенсовета к Парскому и друг [к] другу, вследствие чего обстановка в штабе фронта тяжелая, что отрицательно сказывается на работе штаба фронта и даже штабов армий. Разногласия дошли до того, что Глезаров поехал в Москву жаловаться на Пятницкого, а Пятницкий во всем винит Глезарова и Парского, и даже считает последнего не на месте. Наштафронта стоит на стороне Пятницкого, вследствие этого штаб разделился на два враждебных лагеря, отчего, конечно, много страдает работа. Этим, пожалуй, отчасти можно объяснить и тот сепаратизм седьмой армии, который стал нам здесь известен. Дело в том, что командарм и реввоенсовет 7 почти не признают распоряжения фронта и не считаются с ними, вследствие чего Пятницкий совместно с наштафронта принужден был прямо от своего имени заявить Искрицкому, что если приказания не будут выполняться, то Искрицкий со своим штабом будет арестован. В этих ненормальных отношениях штарма 7 со штабом

¹⁹⁵ Архив семьи Глезаровых (Москва).

¹⁹⁶ Подробнее об этом конфликте см.: Ганин А. В. «Штаб разделился на два враждебных лагеря...» Дело об «измене» в штабе Северного фронта // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 28–31.

фронта довольно отрицательную роль играет и Петроградский округ, кроме того, должен указать, что при наштафронте имеется 2 комиссара, из которых один тянет руку Пятницкого, а другой — Глезарова...»¹⁹⁷.

Данишевский дал следователям по делу Парского широкие полномочия и распорядился провести полное расследование ситуации в штабе Северного фронта и вокруг Парского¹⁹⁸. Он инструктировал следователей: «Пока выясняйте все. Отметьте тех, которые мешают работе и примите все меры к успокоению внутренней междоусобицы, склоки»¹⁹⁹. Таким образом, учитывалась непростая ситуация в штабе и РВС Северного фронта.

В докладе Илюшина от 27 ноября 1918 г. сообщалось: «Взаимоотношения членов Ревсовета Северфронта Пятницкого и Глезарова между собой достигли того, что один из них должен уйти и только тогда работа штаба может войти в нормальное русло.

Вражда двух членов ревсовета Севфронта сказалась и на комиссарах штаба Турчан и Иофин²⁰⁰. Так один, Турчан, отчасти оправдывал Пятницкого, другой, Иофин, резко его во всем обвинял и оправдывал Глезарова.

Получалось впечатление, что у каждого члена ревсовета по одному комиссару при Наштафронте, которые следят друг за другом, сохраняя хорошие отношения между собой.

Междоусобица членов ревсовета... есть результат резко противоположных индивидуальных особенностей. Так т. Пятницкий — уравновешенный с твердым определенным ясно взглядом... но как больной туберкулезом и довольно в значительной

¹⁹⁷ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 28.

¹⁹⁸ Там же. Л. 29, 30.

¹⁹⁹ Там же. Л. 30.

²⁰⁰ Турчан Владимир Мартьянович (27.06.1888–1951) — словак, член РСДРП (б). Окончил 2-ю Киевскую школу прапорщиков (1915) и Военную академию РККА (1926). Участник первой русской революции, арестован и сослан в Архангельскую губернию как член военной организации при Петербургском комитете РСДРП (б). Участник Первой мировой войны. Прапорщик. Последний чин в старой армии — штабс-капитан. Участник Гражданской войны в России, комиссар разведывательного отдела военного совета Северного участка и Петроградского района, комиссар штаба Северного фронта. Окончил Военную академию РККА. В дальнейшем — на разведывательной работе. Командир полка, дивизии, начальник Одесской пехотной школы. Комдив (1935). Награжден орденом Красного Знамени (1921). Репрессирован (Подробнее см.: Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки 1918–1945 гг. М., 2012. С. 772). Иофин Ефим — комиссар отдела снабжения военного совета Северного участка и Петроградского района.

форме, t^0 все время не ниже 38,0 — проявляет иногда резкую нервозность. Тов. Глезаров — молодой, самолюбивый, старающийся всюду проявить свое «я».

Проявление Глезаровым своего «я» достигло апогея за время пребывания т. Пятницкого в Москве, где он получил от Начштабфронта Доможирова телеграмму, в которой указывал т. Пятницкому, что не знает, кто Главком фронта Парский или Глезаров.

Сохраняя до поездки в Москву дружеские отношения, Пятницкий по возвращении в штаб повел решительную борьбу с «системой» Глезарова, который, по словам т. Пятницкого, перевел и на личную почву. Личные отношения членов ревсовета фронта разделили на два лагеря и комиссаров. Иофин давно работает с Глезаровым (работал с ним в Петербурге и на фронте), к тому же они друзья — что, конечно, и сказалось в отношениях к Пятницкому, как человеку, им новому и неизвестному. Глезаров нашел в этом вопросе в лице Иофина горячего своего сторонника.

т. Турчан, по его словам, старался быть нейтрален — но борьба Пятницкого и Глезарова зашла так далеко, «что середины здесь не выберешь» ...

Работа штаба может быть плодотворна при условии отстранения одного из них. И несмотря на то, что Пятницкий болен, он безусловно будет более полезен штабу, чем Глезаров. За свое сравнительно короткое пребывание в штабе он пользуется уважением и есть уверенность, что работа штаба будет вполне нормальна, а также пользуется достаточным уважением в среде местных партийных работников, что сглаживает шероховатость взаимоотношений штаба с местными властями.

Для единства работы комиссаров штаба необходимо переместить и тов. Иофина — на соответствующую должность, но в другой штаб»²⁰¹.

Комиссар Глезаров, как старый сотрудник Парского, дал высокую оценку ему как военному специалисту: «Отношения мои с комсевом наилучшие; я считаю Дм. П. Парского работником вполне честным и искренне преданным Советской власти; отношусь к нему как комсеvu с должным уважением, полагая за ним все права и обязанности командующего, хотя и упрекаю его в недостатке твердой воли»²⁰². При этом отношения с комиссаром Пятницким «сплошная аномалия, безобразны и недопустимы»²⁰³.

²⁰¹ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 48об.—49об.

²⁰² Там же. Л. 90об.

²⁰³ Там же.

Пятницкий, в свою очередь, считал Глезарова дезорганиза-
тором, а Парского находящимся не на своем месте и даже гово-
рил об этом заместителю Троцкого Э. М. Склянскому в Москве
2 ноября 1918 г. По мнению Пятницкого, «для меня выяснилось,
Д. П. Парский бесхарактерен, нерешителен, безынициативен,
мнений своих не отстаивающий»²⁰⁴. Критически в отношении
Парского был настроен и член РВСР С. И. Аралов, считав-
ший, что Парский не продемонстрировал достаточно интереса
к фронту.

Пятницкий отмечал: «С этого времени (возвращение из Мос-
квы в Ярославль 2 ноября 1918 г. — А. Г.) начинается моя борьба
с Реввоенсоветом Северного фронта. В отношении Д. П. Парско-
го борьба эта сводилась к откровенным заявлениям почти на каж-
дом заседании Реввоенсовета, что Командующий фронтом, как
таковой, ничем себя не выявляет, распоряжения его лишены
энергии и твердости, директивы — ясности и резкости. На засе-
даниях (РВС фронта. — А. Г.) я видел перед собой академика,
но никак не боевого генерала»²⁰⁵.

Индифферентный к вопросам фронта Парский, по наблюде-
нию Пятницкого, оживлялся в двух случаях — когда речь шла
о Карельском перешейке и при получении категорических теле-
грамм Вацетиса. Его преследовала навязчивая идея о взятии
Выборга. Вместе с тем Парский жаловался на травлю со стороны
Вацетиса и писал на его телеграммы пространные ответы.

Пятницкий резюмировал: «Мое заключение о Парском: че-
ловек 1) бесхарактерный, 2) легко поддающийся влиянию, 3) [с]
широким, пожалуй, слишком широким, кругозором, нередко
свойственным бесплодным мечтателям, 4) решительности нет,
5) энергии нет, 6) боевого духа нет. Человек мягкий, изнежен-
ный, избалованный, с глубоким и, безусловно, ложным убеждени-
ем, что его не понимают, что ему завидуют, а потому преследуют;
что если бы его поняли и дали широкую возможность действовать
по своему усмотрению, то он бы сделал очень многое. Таковы
в общих чертах мои отношения к Д. П. Парскому, мнение мое
о нем. Должен указать, что с внешней стороны отношения у нас
самые лучшие, мы спорим, но никогда не вздорим»²⁰⁶.

Сам Парский в объяснениях от 24 ноября 1918 г. отметил:
«Члена Реввоенсовета Глезарова я знаю уже в течение 5-ти ме-

²⁰⁴ Там же. Л. 96.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же. Л. 96об.—97.

сяцев, так как служил вместе с ним в штабе Петроградского района и Северного участка, где я был военным руководителем, а он — Комиссаром. За время нашей совместной службы как в Петрограде, так и в Ярославле между нами были всегда хорошие и доброжелательные отношения, никаких недоразумений никогда не происходило; если же в редких случаях у нас на почве службы происходили разногласия, то в конечном счете мы всегда находили почву для соглашения и приходили к тому или иному решению вопроса. Единственно, что можно отметить, в некоторых случаях проскальзывавшее стремление у т. Глезарова выйти из пределов предоставленной ему законом роли и решить тот или иной вопрос самостоятельно. Наряду с этим должен сказать, что, как мне казалось, я всегда пользовался полным доверием товарища Глезарова.

Члена Реввоенсовета Пятницкого я знаю гораздо меньше — немного больше месяца. Тем не менее и по отношению к нему могу сказать, что наши отношения были также вполне хорошими и, сколько помню, никаких недоразумений между нами не было. О доверии, каким я пользуюсь со стороны тов. Пятницкого, я не могу высказаться с такой определенностью, как это сделал выше по отношению т. Глезарова, так как служил с т. Пятницким меньше, и мы еще недостаточно знаем друг друга, но по-видимому и с его стороны недоверчивого отношения ко мне нет. Что же касается до совместной с ним службы, то, как мне иной раз казалось, вероятно, в силу его тяжелой болезни, он проявлял некоторую неровность и иногда также выходил из своей законной роли, правда, преимущественно в вопросах меньшего значения, несмотря на то, что в общем Т. Пятницкий определенно стремится поддерживать вполне правильную линию поведения члена Реввоенсовета и политического деятеля»²⁰⁷.

Отношения Глезарова и Пятницкого Парский считал ненормальными, но затруднялся назвать причину этого. По свидетельству Парского, Глезаров иногда перед заседаниями РВС фронта здоровался со всеми, кроме Пятницкого. Последний на это резко реагировал. В частности, публично назвал Глезарова дураком. По возвращении из Москвы Пятницкий отзывался о Глезарове, постоянно прибавляя «болван, дурак, мальчишка»²⁰⁸. Распоряжения Глезарова он нередко аннулировал. Работа штаба была практически парализована.

²⁰⁷ Там же. Л. 95–95об.

²⁰⁸ Там же. Л. 101.

Парский отмечал: «Таким образом, создалась крайне нездоровая и вредная для дела атмосфера, тяжесть которой, несомненно, ощущают на себе не только я, Наштафронта и другие работники, но и сами т. т. Глезаров и Пятницкий; о последнем они не раз выражали мне лично»²⁰⁹. По мнению Парского, возможным вариантом решения конфликта мог быть отзыв одного из членов РВС. Тем не менее военспец так и не решился донести о конфликте в РВСР до того, как развернулось следствие по его делу.

И. д. начальника штаба Северного фронта Н. Н. Доможиров считал, что «Д. П. Парский — человек кабинета и карты»²¹⁰. Доможиров отмечал частую нерешительность, «слабый, мягкий и восковой характер командующего фронтом», вследствие чего комиссар Глезаров привык все решать единолично²¹¹. Из-за конфликта между комиссарами «ни одно заседание Реввоенсовета благополучно не проходило»²¹², а «создавшаяся обстановка в штабе может совершенно расстроить начавшую входить в норму работу: Реввоенсовет в том составе, в каком он сейчас, не может дать уверенности в спокойной и плодотворной работе, так как нервность, царящая наверху, передается всему штабу»²¹³.

22 ноября 1918 г. на заседании РВСР было постановлено заменить Парского на посту командующего Северным фронтом другим бывшим генералом-генштабистом Д. Н. Надежным, а Парского назначить в распоряжение начальника Всероссийского главного штаба²¹⁴. На следующий день Надежный был уже в Полевом штабе РВСР в Серпухове, где получил инструкции и предписание отправиться в Ярославль для вступления в должность. Среди поставленных перед ним задач была организация штаба Северного фронта. Это свидетельствует о том, что даже к концу ноября штаб Северного фронта еще не был до конца сформирован. Также от Надежного требовалась срочная организация 18-й и 19-й стрелковых дивизий из всех частей фронта, за исключением входящих в состав 2-й Новгородской дивизии. Наконец, Надежному предписывалось закончить организацию 7-й армии и ее штаба и образовать резерв²¹⁵.

²⁰⁹ Там же. Л. 95об.

²¹⁰ Там же. Л. 98.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же. Л. 98об.

²¹³ Там же. Л. 99.

²¹⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 86.

²¹⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 160–161.

В связи с расследованием дела Парского по приказу реввоен-трибунала курсовик П. М. Майгур в ноябре 1918 г. был командирован в Ярославль и на станцию Званка для расследования неисполнения Парским приказа главкома о переброске Юрьевского полка и о передаче РВС Северного фронта секретной инструкции главкома по всем фронтам²¹⁶.

4 февраля 1919 г. дело по обвинению бывшего командующего Северным фронтом Парского в совершении ряда преступлений против Советской власти было заслушано на распорядительном заседании Реввоентрибунала при РВСР. Председательствовал К. Х. Данишевский, в заседании участвовали член Реввоентрибунала С. И. Аралов, заместитель члена Реввоентрибунала А. Я. Анскин и секретарь А. М. Лукина. По итогам обсуждения дела было решено считать, что в действиях Парского не было злого умысла, обвинение было признано недоказанным, а дело прекращено. Парского признали совершившим ряд ошибок²¹⁷. При этом было решено «признать недопустимой неосторожностью передачу безответственному лицу, личному секретарю, секретных поручений и доверие ему совершенно секретных данных»²¹⁸.

Передача директивы № 259 Южному фронту, не граничившему с Северным, была признана нецелесообразной и опасной для военной тайны. Задержка в исполнении приказа главкома о переброске Юрьевского полка была квалифицирована как проявление неспособности Парского вникнуть в сущность политики Советского правительства, а приглашение на должность в штаб кадета Кичкина расценено как идущее вразрез с советской политикой. Парский, по мнению заседавших, «не вполне оправдал доверия (так в документе. — А. Г.) Советского Правительства и поручение ему ответственного поста в обстановке суровой гражданской войны не желательно». Решение постановлено сообщить председателю РВСР Л. Д. Троцкому и главкому И. И. Вацетису, а также начальнику Всероссийского Главного штаба. Также решено освободить Парского от обязательства о выезде из Москвы, данного им 14 декабря 1918 г.²¹⁹

Покидая Северный фронт, Парский издал прощальный приказ (приказ РВС Северного фронта № 32 от 26 ноября 1918 г.): «Сдав командование вновь назначенному команд[ующим] ар[миями]

²¹⁶ Там же. Л. 149.

²¹⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 38.

²¹⁸ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 33. Л. 1.

²¹⁹ Там же. Л. 1об.

Сев[ерного] фронта Д. Н. Надежному, я оставляю фронт, в пределах которого прослужил 9 месяцев.

Считаю своим нравственным долгом искренно поблагодарить всех строевых и штабных товарищей-сослуживцев по фронту, от рядового красноармейца до командующего армией включительно, за их самоотверженную службу на пользу общего дела. Только благодаря Вашим дружным усилиям, товарищи, и могло расти и укрепляться среди самой неблагоприятной обстановки дело защиты свободы на нашем Севере.

Особенно благодарю я от лица службы моего ближайшего помощника по управлению фронтом нач[альника] штаба фронта товарища Н. Н. Доможирова.

Приняв штаб совершенно неожиданно и в трудную пору его формирования, он своим умением учесть важность момента и проникнуть в суть дела, своею неутомимой энергией, соединенной с доброжелательным и справедливым отношением к людям, быстро создал штаб и наладил его работу, которая в настоящее время идет по вполне правильному пути. Помощь его в деле управления фронтом сказывалась, прежде всего, в правильной всегда оценке боевой обстановки во всей ее совокупности, в верном военном взгляде, умеющем отличать важное от неважного и суть от пустяков, в проявлении им большой инициативы, наконец — в обстоятельном и добросовестном всегда докладе.

Благодарю также и всех прочих товарищей — сослуживцев по штабу фронта за их тяжелый труд.

Отходя от фронта, я сердечно приветствую всех товарищей, искренно желаю полного во всем благополучия служебного и житейского, а главное — с честью и до конца выполнить возложенный на нас всех великий долг защиты свободы народной и завоеваний революции»²²⁰. Помимо Парского приказ был подписан только Пятницким и Доможировым.

Во всей этой истории самым удивительным было произвольное перемещение командующего Северным фронтом по территории Советской России в сентябре — октябре 1918 г., в результате чего фронт на протяжении месяца оставался без руководства и надлежащего управления. Не менее интересно то, что партийному руководству об этом донесли сами же военспецы — выпускники ускоренных курсов военной академии, конфликтовавшие со старшим поколением генштабистов, к которому принадлежал Парский. В результате бывший генерал попал под маховик реп-

²²⁰ РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.

рессий, однако наказание для Парского оказалось сравнительно мягким, тем более, что следствие установило отсутствие у него злого умысла. И то, что он руководствовался лишь пользой дела, насколько себе ее представлял.

Серьезным фактором, осложнявшим работу штаба Северного фронта, стал острый конфликт внутри РВС фронта между комиссарами Пятницким и Глезаровым. В результате конфронтации штаб разделился на две противоборствовавшие группировки. На этом фоне и разворачивалось следствие по делу Парского, причем конфликт комиссаров затмил даже события вокруг командующего фронтом.

Непорядок в штабе фронта вызывал справедливые нарекания в штабах подчиненных армий. 21 ноября 1918 г. член РВС 6-й армии Н. Н. Кузьмин телеграфировал Л. Д. Троцкому с копиями В. И. Ленину, Я. М. Свердлову, Г. Е. Зиновьеву, Н. И. Подвойскому, К. К. Юреневу, Б. П. Позерну и в РВС Северного фронта: «В № 468 вы писали «твердость вашего фронта является важнейшим условием всех успехов», я ответил успокоительно. [В] настоящее время произошел ряд изменений, заставляющих меня бить [в] набат и обратить ваше серьезное внимание на положение Северного фронта. Семнадцать лет революционной деятельности и тринадцать лет пребывания [в] нашей партии приучили меня [к] дисциплине, субординации и повиновению. Ясно понимая, что нарушаю порядок сношения, я, тем не менее, предпочитаю быть [по] вашим приказаниям отданным под суд и даже расстрелянным, но молчать более не могу, ибо долг старого партийного работника для меня выше требования формальной дисциплины. За три с лишком месяца работы по боевой организационной спайке частей на севере нам вместе с товарищем Кедровым, Наумовым, Ореховым, Миничевым, Гиттисом удалось из мелких разрозненных отрядов создать армию, научившуюся наносить удары регулярным войскам союзников. С организацией Северного фронта и 7 армии, казалось, работа наша пойдет успешнее и легче, но ряд шагов штаба Севфронта в том его составе, который сейчас имеется, заставляет меня, как комиссара армии, предупредить высшего представителя военной власти о моих тревогах за твердость 6 армии. В наступивший тревожный и решительный момент развития революции данный состав штаба Севфронта, как он выявился рядом дезорганизующих и переменчивых распоряжений, может повредить только, но не улучшить наше положение. Я не говорю уже о странной реорганизации штаба, где жены генералов и полковников состоят секретарями и делопроизводителями у своих мужей,

заведывающих отделами устроив предварительно фигуру кадрили кавалеры перемените своих дам (основание смотри приложение к приказу № 1 Севфронта). В то время, как мы буквально изнемогаем, не имея опытных руководителей и специалистов, громадный штат специалистов забрал штаб фронта, захватив [в] качестве секретарей и делопроизводителей своих жен. Для меня непонятно, почему боевая армия должна взять на свое довольствие более 300 человек штабных, отнимая от боевых частей скудные запасы продовольствия, будучи вынужден настойчиво доказывать, что за это довольствие необходимы деньги и настояв на оплате, несмотря на угрозы прислать приказ о бесплатной выдаче. И не понимаю, почему боевая армия должна брать из своего состава штыки и посылать [их] в качестве караульных команд штабу фронта. Из того, что штаб фронта не может наладить отношений с ярославским и петроградским военным комиссариатом он всю свою работу сваливает на 6 армию. Случай [с] Юрьевским полком показывает, что штаб фронта даже не хочет заняться теми частями, которые он берет в свое распоряжение. Приказом штаба фронта Юрьевский полк был взят от нас и в 24 часа переброшен на ст. Званка [к] 7 армии. Выйдя из нашего распоряжения, он не встретил [в] Званке ни представителей 7 армии, ни штаба фронта. Командир запросил нас, мы запросили фронт и получили предложение передать распоряжение выгрузиться [в] Званке, а за продуктами ехать [в] Бологое. Так как часть нами не подчинена, то мы воздержались от передачи распоряжения, уведомив штаб фронта, что [в] Званке нет помещения, а из Петрограда продукты достать раз [в] восемь скорее, чем из Бологого. Случай с отрядом Мандельбаума, который телеграммой № 182 командующего фронтом сначала был отдан в наше распоряжение, в каком он все время и был. Но, когда мы указали, что давать ему директивы и указания помимо нас непосредственно из штаба фронта, является нарушением порядка сношения, то телеграммой 6297 он был сделан самостоятельным, причем неясно, кто из нас будет его довольствовать и как понимать самостоятельный отряд, подчиненный фронту и действующий [в] районе 6 армии и без подчинения и связи с ней. Это новая армия, но почему-то она действует на нашей территории. Требования об отсылке в центр таких опытных работников как Внуков и Сидоров, инспектора артиллерии и заведывающего артснабжением и, наконец, перевод тов. Гиттиса [в] 8 армию, ставит нашу армию в безвыходное положение.

Попав под управление супружеского Генерального штаба я опасаясь за твердость фронта и боюсь, что нас так запугают

приказами, что придется послушаться и предпочесть попасть под суд и быть расстрелянным за непонимание, чем выполнять то, что по твоему глубокому убеждению вредит делу, я не знаю, подлежит ли исполнению приказ начснабсева о снабжении ботинками вместо сапог наших пехотных частей в то время, как лично главкосевом приказано, что они должны снабжаться сапогами, так как мы воюем на болотах и в лесах.

Огромная созидательная организационная работа по снабжению, формированию и сколачиванию частей тормозится и разрушается, так как штаб фронта вместо организации собственных складов решает вопрос проще и берет [в] свое распоряжение с огромной затратой труда и энергии созданные армейские базисные склады. Казалось бы, главная забота [на] фронте заключается [в] снабжении нас, [с] созданием фронта мы не получаем ответов, несмотря на целый ряд запросов. Таким образом, организация штаба фронта, долженствующего нам облегчить работу, [в] данном его составе тормозит и не оказывает никакой помощи и, опасаясь за твердость фронта, я считаю долгом революционера и комиссара армии заранее довести до сведения высших властей. Член Реввоенсовета б Н. Кузьмин. Считаю, что все вышеизложенное правильно, к чему присоединяюсь. Член Реввоенсовета Орехов»²²¹.

В ответной телеграмме на следующий день Троцкий одернул Кузьмина: «Ваша телеграмма, заключающая неопределенные жалобы на отдельные распоряжения, исходящие от разных учреждений, имеет, к сожалению, характер прокламации, а не точных указаний на злоупотребления. Если в штабе Северного фронта имеются неполадки, вы обязаны были сообщить о них комиссару Глезарову. Если находите нужным мое вмешательство, укажите точно имена и факты и приложите план реорганизации Северного фронта... Если ваша мысль сводится к тому, что члены Реввоенсовета Северного фронта недостаточно наблюдают за штабом, формулируйте это точно. Я поставлю вопрос о смене комиссаров...»²²².

Дело Парского и конфликт в штабе Северного фронта, по всей видимости, сыграли роль в последовавшем в 1919 г. упразднении этого фронта.

²²¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 631. Л. 1–3; также см.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 109. Д. 22. Л. 8–14.

²²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 22. Л. 42.

23 декабря 1918 г. Кузьмин направил в Высшую Военную Инспекцию обширное послание о реорганизации Северного фронта, в котором изложил свои претензии к штабу фронта и к Пятницкому в развернутом виде. Не исключено, что этот документ стал отправной точкой для последовавшего в феврале 1919 г. упразднения Северного фронта. Кузьмин писал: «Тов. Троцкий телеграммой за № 1141 от 23/ХІ ответил мне на мой № 250 от 22/ХІ, посланный и Вам, чтобы я указал точно факты и предложил план реорганизации Севфронта.

По существу факты были указаны мною в № 250, но я могу и теперь их еще подчеркнуть. План реорганизации теперь может быть несколько запоздал, но все же можно указать те черты, которые могут исправить недостатки механизма.

Я думаю, что основной ошибкой при создании Северного фронта (здесь и далее подчеркнуто читателями. — А. Г.) было то, что туда набрали людей, совершенно незнакомых с фронтом, не знающих местных условий, составили штаб, где на 500 человек только 4 своих, а все остальные, за исключением 10–20 лиц, благожелательно-нейтрально саботирующие и к тому же, как начальство, претендующие на беспрекословное повиновение им и преклонение перед их знаниями, дипломно, может быть и большими, но по существу сомнительными. Это первое.

2) 6-я армия была раньше Северо-Восточным фронтом и, следовательно, все учреждения были построены по этому типу. Случайно здесь подобрался состав лиц, один из которых, как Калашников и Сидоров (коммунисты, чрезвычайно дельные и опытные в своей отрасли люди) эвакуировали имущество бывшего Северного фронта в эти места и знали все до мельчайших подробностей, другие, как я, эвакуировали сюда штаб Юго-Западного фронта (я был с декабря 1917 г. до вступления немцев в Киев комиссаром Ю[го-]З[ападного] фронта) с его имуществом. Вместо назначения разных генералов и неопытных комиссаров, которых пришлось потом устранить, следовало назначить Калашникова и Сидорова по их специальностям с небольшим количеством опытных людей во фронт, и тогда бы просто и безболезненно произошла перестройка Северо-Восточного фронта. Тогда во фронтовой организации были бы люди, знающие нужды всего района, люди дельные, работоспособные, энергичные, а главное, свои, и уже доказавшие, что они очень и очень заботятся о том, чтобы на Республику смотреть как на народное достояние, а не на дойную корову, из которой надо выжимать все, что можно выжать.

Армия должна верить в честность и знания фронта. Мы этого не получили. 3) Игра в начальство нам не свойственна, как старым членам партии, а когда к нам приезжает фронтовой комиссар, который третирует нас, как каналии и через 2 слова в третье обещает отставить и убрать, то мы начинаем чувствовать себя несколько странно. Тов. Пятницкого никто из нас не знал, а ведь Миничев, Орехов, Гончаров и я с 1903, 1905 года в партии, Наумов с 1913 года. Карьеристами никто из нас не был, да и не будет.

Мы подчинимся любому приказу партии и, если надо, чтобы над нами были генеральствующие комиссары, пусть будет, но верить все-таки не можем. Когда я послал № 250, то тов. Троцкий дал товарищеское указание, что я неопределенно ставлю вопрос и только.

Тов. Пятницкий посмотрел строже и № 215 назвал мою телеграмму «панической и истерической», меня «неосведомленным и преступно-легкомысленным». Если такое отношение должно быть у старшего комиссара к младшему в рабоче-крестьянской армии, то это надо циркулярно разъяснить, чтобы мы знали.

На что мы указали с Ореховым: 1) Мы указали, что в штабе фронта 15 родственных пар, что комфронта Парский имеет секретарем жену свою Парскую, что наштаб Костяев имеет секретарем жену свою Костяеву и т. д. Может быть, это было разрешено высшими властями. Пусть, но нам, работникам в низах, никогда не отрывавшимся от масс, их мнение лучше известно, и мы считали своим долгом доложить об этом. Ведь Костяев, сделавшись наштабом при главкоме, не сделал жену свою секретарем, а оставил ее [в] штабе фронта.

2) Из приложенной переписки о пайке видно, что мы были от начала до конца правы в недоверии к штабу фронта, ибо Реввоенсов[ет] фронта утвердил штаты, очень удобные для служащих, но совершенно не соответствующие законным требованиям...

В результате тов. Калашников, по докладу которого я написал ряд запросов в центр и о пайке и о военно-подъемных деньгах, стал неприятен Севфронту, и на него возможны нападки. А по-моему его надо сделать начальником снабжения фронта, ибо дельнее работника (и вдобавок коммуниста) в этой области вряд ли сумеем найти на нашем фронте, вдобавок хорошо знающего, как район 6-й армии, так и район 7-й армии, оперирующей там, где был бывш. Северный фронт, и где он около 9 месяцев работал по снабжению. Это несколько плохо для нас, но зато хорошо для дела.

4) Приложенное III показывает, какую волокиту устраивает Севфронт...

Эта волокита и рутина в недалеком будущем неминуемо должна привести к тому, что прекратится снабжение армии самыми необходимыми вещами. Уже в настоящее время, в силу создавшегося порядка пополнения, база не имеет белья, обоза, упряжи, а запасы валенок, папах и целый ряд других вещей свелись к минимальному количеству. Единственным источником снабжения армии некоторыми вещами служат в настоящее время мастерские, производящие починку и ремонт упряжи, обоза, кухонь и вновь строящие белье, шаровары, шинели и целый ряд других вещей. И только благодаря деятельности означенных мастерских в значительной степени устранено то критическое положение, в которое была поставлена армия за отсутствием назначений центром шинелей. Обоз и упряжь поступают в склады исключительно из означенных мастерских. Но при ежедневно увеличивающейся армии и отсутствии на рынке самых необходимых материалов, мастерские не могут дать всего необходимого для армии. Пополнения были необходимы из Центра и в самом ближайшем времени...

Я прошу расследовать, отдать меня под суд, если я «панически настроен» или я не осведомлен и преступно легкомыслен, если по-мальчишески отношусь к делу, но не оставлять дела так.

По-моему надо быстрее решить вопрос, потому что работать далее так становится трудно. Я, работая в армии с декабря 1917 года, был участником совещаний в Москве по устройству дивизий, проводил в Питере всю подготовку среди масс, более 4 ½ месяцев работаю на фронте, участвовал в ряде боевых столкновений, представлен к ордену Красного Знамени, но никогда в таком глупом положении не был, как теперь, благодаря комиссару Пятницкому»²²³.

Несмотря на арест и следствие, Парский не боялся заступаться за других арестованных. Так, 12 декабря 1918 г. он ходатайствовал о скорейшем расследовании дела Семена Сергеевича Розанова, сидевшего в Бутырской тюрьме. На запрос председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского заместитель Троцкого Э. М. Склянский в секретном обращении написал: «Д. П. Парский, испытанный наш работник»²²⁴. Таким образом, репрессии не отразились на позитивном восприятии бывшего генерала большевистским военным руководством.

После ареста и расследования Парскому уже не доверяли командных постов в РККА. В результате потенциал Парского

²²³ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 646. Л. 110–112.

²²⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 38. Л. 704.

оказался использован в Красной армии довольно слабо. В разгар Гражданской войны, в 1919–1920 гг., он находился на малозначимых должностях, занимаясь в основном военно-научной работой. С 15 ноября 1918 г. он входил в состав военно-исторической комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. при Всероссийском Главном штабе в качестве ответственного редактора²²⁵. Бывшему генералу было поручено написание раздела о революционном периоде истории войны, т. е. о событиях 1917–1918 гг. от февральского переворота до Брестского мира²²⁶. О тех событиях он знал не понаслышке. Помимо этого Парский работал ответственным редактором журнала «Военное дело» (в 1919 г. там вышел цикл его статей о новых военных уставах), с 22 июня 1919 г. состоял в комиссии по разработке уставов при организационном управлении Всевоглавштаба²²⁷. Интересно, что Парский предугадал вектор эволюции комсостава РККА, когда отметил в одной из статей, что в будущем «военный специалист и политический деятель сольются в одном лице или, по крайней мере, поймут друг друга»²²⁸.

11 января 1919 г. на совещании у главного комиссара военно-учебных заведений И. Л. Дзевялтовского говорилось о неудовлетворительности содержания журналов «Военное дело» и «Красный офицер» и о том, что нужны преобразования. Дзевялтовский предлагал создать общую редакцию для таких изданий во главе с Парским, причем основным журналом должен быть еженедельник «Красный офицер», тогда как к нему каждые в две недели добавлялись приложения — журнал «Военное дело» — научный журнал для комсостава или журнал «Красная армия» — популярный журнал для красноармейцев. Однако сотрудники «Военного дела» были против таких перемен, опасаясь, что из-за этого будет разрушена вся их работа, а новые журналы не появятся²²⁹.

Ко дню 23 февраля 1919 г. Парский дал юбилейное интервью газете «Известия», в котором заявил: «Красная армия, на мой взгляд, представляет собою теперь очень солидную силу, с которой трудно будет справиться не только отечественной авантюре, но даже союзникам: они уже начинают сознавать и чувствовать,

²²⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 106.

²²⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 174об.; Д. 83. Л. 132.

²²⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 596а об., 600; Д. 1044. Л. 32.

²²⁸ Парский Д. Наши новые воинские уставы // Военное дело. 1919. № 19 (48). 30.06. Стб. 632.

²²⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 21.

что Красная армия представляет собою силу, с которой приходится считаться.

Несмотря на море клеветы, лжи и инсинуаций, несмотря на весь хаос, из которого приходилось создавать новую армию, я, как специалист, могу засвидетельствовать, что Красная армия, росшая на моих глазах, выражаясь по-библейски, буквально из горчичного зерна, выросла в большую боевую силу.

Нельзя не отметить, что нашими военными верхами была проявлена необычайная энергия и произведена колоссальная работа при самых неблагоприятных и тяжелых условиях: результаты их трудов налицо.

В заключение мне, как специалисту... хочется выразить пожелание, чтобы Красная армия наряду с численным ростом своим, стремилась к большей организованности и особенно к большей связанности во всех своих боевых действиях.

Красной армии, по-моему, ...предстоит большое будущее»²³⁰.

В другой статье 1919 г. Парский отметил: «Теперь у нас есть сильная армия... мы имеем сейчас правильную воинскую организацию, единство командования, располагаем штабами и прочими учреждениями... Определенные стремления и планы, сознание и полная ориентировка руководят в настоящее время каждым органом, каждым отдельным работником; повсюду идет более или менее систематическое строительство... теперь мы можем вести военные действия в широких размерах, можем успешно наступать»²³¹.

Товарищ Парского по службе в старой армии бывший генерал В. Ф. Новицкий так характеризовал деятельность своего друга в РККА в 1918–1921 гг.: «Служба Д. П. в Красной армии протекала частью на фронте, частью в центре. Но в строевых, командных должностях он пробыл недолго, и его деятельность на фронте не отмечена чем-либо значительным. Гораздо плодотворнее, шире и разностороннее была его работа в центре, в Москве, где, участвуя в занятиях военно-исторической комиссии, а также в многочисленных других комиссиях и совещаниях, он неустанно трудился над разработкой вопросов по усовершенствованию новой военной системы, по укреплению боеспособности Красной армии, на основании опыта как

²³⁰ Мнение специалиста (Беседа с бывш. генералом Д. П. Парским) // Известия. 1919. № 42 (594). 23.02.

²³¹ Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии. С. 194.

мировой, так и гражданской войны. Между прочим, ему принадлежит идея единого воинского устава, в котором он хотел объединить все правила красноармейской службы, как мирного, так и военного времени. Он сам и составил первый текст такого красноармейского катехизиса, текст, не получивший, впрочем, одобрения высших инстанций. Мне кажется, что в этом вопросе Парский стоял на ложном пути и едва ли пришел бы когда-либо к какому-нибудь удовлетворительному результату, следуя этой дорогой. Тем не менее, сама идея и нова, и оригинальна, и доказывает способность покойного широко охватывать вопросы воспитания и образования войск, глубоко над ними задумываться»²³².

Новицкий упомянул и о недостатках Парского: «Однако, при всех указанных выше отличных качествах Д. П., в его личности чего-то не доставало, что-то мешало ему стать в первые ряды военных людей. Это что-то — отсутствие яркости, блеска, огня, отсутствие той особой, моральной силы, которая подчиняет себе окружающих, создает личное обаяние, укрепляет авторитет. Отлично зная войска и солдата, уважаемый всеми, с кем он служил и над кем начальствовал, он, тем не менее, нигде и никогда не уловлял сердец и потому, даже при самых благоприятных условиях, не мог бы сделаться выдающимся военачальником. Глубоко понимая военное дело, обладая искусством хорошо излагать свои мысли и устно, и на бумаге, он никогда не производил сильного впечатления как лектор и как писатель. Было что-то обволакивающее его личность, что-то смягчающее в ней краски, умеряющее напряжение его умственных и душевных сил; как будто бы свет, горевший внутри него, был виден нам сквозь матовое стекло. И он горел этим мягким, тихим светом, который никогда не накалял окружающих его предметов, но всегда согревал каждого, кто близко подходил к нему...»²³³.

Несмотря на прекращение преследований, положение Парского и в 1919 г. оставалось по-прежнему тяжелым. 4 ноября 1919 г. он писал начальнику Полевого штаба РВСР бывшему Генштаба генерал-майору П. П. Лебедеву, что перегружен работой в редакции журнала «Военное дело», а также по составлению уставов. Кроме того, в связи с болезнью жены он иногда вынужден не спать по ночам. В довершение всех несчастий в тюрьму попал брат Парского, причем, по мнению Дмитрия Павловича,

²³² Новицкий В. Памяти Д. П. Парского. С. 194–195.

²³³ Там же. С. 195.

арестован он был лишь потому, «что он интеллигент и бывший дворянин»²³⁴.

Тяжелые жизненные обстоятельства отражались на здоровье и внешнем облике бывшего генерала и были замечены современниками. 18 июня 1920 г. в военно-исторической комиссии Парский делал доклад: «Рижская операция 19–26 августа (1–8 сентября) 1917 года»²³⁵. Нелицеприятную характеристику бывшего генерала в связи с этим выступлением оставил историк Ю. В. Готье, записавший в своем дневнике в тот же день: «Сегодня я попал в Военно-историческую комиссию, где читался доклад о «рижской операции» в августе 17-го года, т. е. бегстве развращенной русской армии из-под Риги. Доклад делал генерал Парский, сморщенный лимон алкоголического типа... Генералы говорили о том, как их били, и мне не чувствовалось, чтобы кому-нибудь из них было особенно больно за себя, за армию, за Россию. Прежде столовые, теперь паек, вот все, что стояло и стоит на первом плане у русских вождей. Слушатели были большей частью обезьяны, настоящие гориллы хари, призванные составить новое русское офицерство во славу мирового пролетариата. Было интересно, но я ушел с чувством боли, стыда и жалости»²³⁶.

В 1919–1920 гг. Парский активно печатался в «Военно-историческом сборнике», публикуя мемуарно-исследовательские работы о Первой мировой и Гражданской войнах. В 1920 г. Парский вошел в состав Особого совещания при главкоме, состоявшего из старых генералов²³⁷. Среди прочих он подписал воззвание к бывшим офицерам с призывом встать на защиту страны в период советско-польской войны. В связи с этим он вновь (ранее по причине его перехода на сторону красных) подвергся шельмованию белыми. Известный писатель А. И. Куприн даже заявил: «Возбуждает ли доверие Парский, спасший ценою Риги свою жизнь, а угодничеством перед советскою властью свою должность?»²³⁸ Эти резкие оценки ни на чем, кроме антибольшевизма Куприна, не основывались.

20 декабря 1921 г. Парский умер от сыпного тифа. В. Ф. Новицкий отмечал в связи с этим, что «болезнь, которая свела его в могилу, постигла его среди кипучей работы военно-исторического

²³⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 14.

²³⁵ РГВА. Ф. 33 987. Оп. За. Д. 45. Л. 107.

²³⁶ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 411.

²³⁷ РГВА. Ф. 25 863. Оп. 2. Д. 317. Л. 15.

²³⁸ Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919–1921). СПб., 2001. С. 242–243.

характера, которой он отдавался с особой любовью и энергией в последние месяцы своей жизни»²³⁹. В некрологе, опубликованном на страницах военно-научного журнала «Военная наука и революция», отмечалось, что Парский «везде оказывался на высоте своего положения, проявляя энергию, настойчивость, глубокое понимание основ Красной армии и большую, чисто идейную преданность делу Рабоче-Крестьянской России... Глубоко преданный делу строительства армии, он первый составил план единого воинского устава и подал доклад о проведении единого метода в деле обучения и подготовки войск, который и сейчас служит основой работы в этом направлении. Этим он создал необходимый фундамент, оказав тем самым крупнейшую услугу республике. Со смертью Д. П. Парского мы теряем одного из деятельнейших и лучших представителей военных специалистов»²⁴⁰.

В. Ф. Новицкий в статье памяти Парского справедливо отзывался о нем, как о «человеке, не совсем обыкновенном по своим умственным и душевным качествам, оставлявшем по себе глубокое впечатление в каждом, имевшем к нему какое-либо отношение»²⁴¹. По оценке Новицкого, «всегда стоявший вне всякой политики, весь преданный военному делу, он был озабочен лишь одной мыслью — служить нелицемерно России, а не ее явным или тайным врагам, хотя бы и из лагеря наших прежних союзников... Таков был этот недюжинный человек, отдавший все свои силы на служение русскому солдату, которого он любил, которого он знал и понимал»²⁴².

Сын генерала Анатолий жил в Орле, где работал заведующим чертежной мастерской, был арестован и расстрелян в 1937 г. Думается, не такого будущего для своей семьи хотел его отец, поступая на службу в РККА.

Д. П. Парский являлся одним из демократически настроенных генералов императорской армии. За свою дореволюционную службу он выработал определенные взгляды на вопросы военного строительства и военного управления, по итогам русско-японской войны резко критиковал недостатки старой армии, выступал за реформирование вооруженных сил и органов власти в целом. Многим сослуживцам его взгляды казались невидан-

²³⁹ Новицкий В. Памяти Д. П. Парского. С. 195.

²⁴⁰ Командное управление штаба РККА. Д. П. Парский (некролог) // Военная наука и революция. Военно-научный журнал (Москва). 1921. Кн. 2. С. 486.

²⁴¹ Новицкий В. Памяти Д. П. Парского. С. 190.

²⁴² Там же. С. 194, 195.

ным вольнодумством. По своим убеждениям он действительно оказался заметно ближе к большевикам, чем многие представители кадрового офицерства и Генерального штаба. После захвата власти большевиками генерал с готовностью поступил на службу новой власти. По патриотическим мотивам Парский стремился принять участие в защите Советской России от немецкого наступления в начале 1918 г. Однако причины того, что он оказался в рядах красных, думается, не только патриотические, но и идейные. Дореволюционные взгляды Парского были близки социалистическим идеалам. В результате он стал не только одним из первых, но и одним из наиболее преданных старых боевых генералов, превратившихся в военных специалистов Красной армии. В 1918 г. Парский внес значительный вклад в ее создание, применяя на пользу РККА свои обширные знания и опыт. Тем не менее бывший генерал не смог в полной мере сориентироваться в новых условиях и совершил ряд служебных ошибок, негативно отразившихся на его должностном положении. Как следствие, Парский оказался отстранен от руководства войсками и занялся военно-научной работой. Пострадал и сам военспец, попавший под репрессии, и дело военного строительства в Советской России, поскольку квалификация этого опытного военачальника оказалась использована в новой армии далеко не в полной мере.

Приложение

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

по делу о совершении ряда преступлений против
Советской власти бывшим командующим
Северным фронтом Дмитрием Павловичем Парским.

12-го октября 1918 г. при встрече председателя Революционного военного трибунала Республики т. Данишевского с Генштаба Малышевым в гор. Москве последним было доложено частным образом т. Данишевскому о только что совершенном им совместно с командующим Северным фронтом объезде целого ряда городов. При чем Генштаба Малышев вручил тов. Данишевскому предписание от 29/IX за № 17 290, подписанное командующим Северным фронтом Парским и за комиссара фронта Экеманом,

в котором предписывается Генштаба Малышеву «29 сентября отправиться совместно со мной (командующим Северным фронтом) в г. г. Вологду, Ярославль, Серпухов, Москву, Епифань и Скопин для осмотра частей и штабов войск, расположенных на фронте». С этого предписания т. Данишевским была снята копия в присутствии Генштаба Теодори. 27-го октября с. г. (1918 г. — А. Г.) приехала в Полевой штаб Революционного военного совета республики Елена Георгиевна Парская, жена командующего Северным фронтом, занимавшая тогда должность личного Секретаря его, и хотела видеть начальника штаба Ф. В. Костяева. Последнего не было в штабе и Парская была принята Генштаба Малышевым, состоящим для особых поручений при начальнике Полевого штаба. Последнему Парская передала все вопросы, на которые хотела получить ответ. Генштаба Малышев записал все вопросы, но ответа не дал, ибо не был на то уполномочен и даже по некоторым вопросам не был в курсе дела. На другой день Парская была принята начштаба Костяевым в присутствии члена Революционного военного совета Республики т. Аралова и Генштаба Теодори. В присутствии последних Парская задала начштаба Костяеву те же вопросы, что и Генштаба Малышеву. Так как многие из вопросов были секретного характера, то начштаба Костяев ответил отказом и указал Парской, что на такие вопросы секретного характера можно дать ответ лишь особо доверенному лицу Генштаба, а не секретарю командующего. Того же дня начальником штаба Костяевым была послана телеграмма главному Вацетису с изложением указанного случая. На основании указанных данных было назначено следствие. Следствие сначала велось отделом военного контроля при Революционном военном совете Республики, потом было передано Революционному военному трибуналу Республики при Р. В. С. Р. Между тем, 16 ноября Революционному военному совету Республики была передана чрезвычайно-секретная директива. Командующему Парскому была передана строго секретным порядком, по Юзу²⁴³, с доверенным лицом у аппарата, а 17 ноября в Полевом штабе была получена копия директивы Парского, переданной не секретным порядком. Кроме того, директива Парского расходилась в существенном с директивой Реввоенсовета Республики в отношении Юрьевского полка. Кроме того, 26 ноября было получено отношение скопинской уездной чрезвычайной комиссии, в котором последняя уведомляет, что «с рекомендацией гр. Парского

²⁴³ Имеется в виду телеграфный аппарат Юза.

поступают на службу в штаб Революционного военного совета Северного фронта кадеты группы г. Скопина Павел Федорович и Сергей Федорович Кичкины». На основании всех этих данных Революционный военный трибунал Республики при Р. В. С. Р. продолжал следствие для выяснения их и привлечения к суду трибунала командующего Северного фронта Парского.

Был опрошен целый ряд ответственных должностных лиц, а равно и б. командующий Северного фронта Парский. Из данных ими показаний выяснилось следующее:

1. По делу о[б] объезде частей и штабов войск, расположенных на фронте, для осмотра их, выясняется следующее. По показанию б. командующего Северным фронтом Парского, «поездка на фронт была вызвана назначением командующего армиями Северного фронта и необходимостью возможно скорее овладеть делом на месте, познакомившись со старшим командным составом, собрав все необходимые сведения и сделав тут же все нужные указания по части оперативной и организационной. Кроме того, мне было известно, что в районе 6 армии, на архангельском и котласском направлении, в это время шли бои, не имея правильного представления о серьезности положения, я решил проехать к командующему 6 армии лично, чтобы убедиться (в машинописном варианте — избавиться. — А. Г.) в этом и посылить помочь делу своими знаниями и опытом. Получил от Главкома приказание оживить действия против неприятеля в 6 армии, что я хотел осуществить личным воздействием. Военная обстановка на западной половине фронта, где в то время никаких действий не происходило, вполне развязывала мои руки для того, чтобы поехать в Вологду и Вятку». Против всего этого возражать не приходится. Кроме того, судя по показаниям Парского, поездка в Вологду и Вятку оправдала себя по достигнутым ею результатам. Этого не отрицают и принимавшие участие в поездке. Дальше б. командующий Парский в своих показаниях отмечает: «Во время всех моих поездок положение на Северном фронте было следующее: в районе 6 армии, на архангельском, шенкурском и котласском направлениях шли бои среднего напряжения, причем на последнем из направлений бои были преимущественно успешные для нас, а на остальных двух шли небольшие бои с переменным успехом. В общем, к этому времени выяснилось, что положение в 6 армии, вследствие очевидных небольших сил неприятеля и недостаточной настойчивости в его действиях, не являлось угрожающим. Разумеется, только при этих условиях я и счел возможным отправиться в Козлов, а на обратном

пути заехать в Епифань и Москву». Эти показания правдивы и подтверждаются показаниями по этому вопросу начштаба Костяева. Начштаба Костяев в своих дополнительных показаниях отмечает, что «надобность видеть главкома была для решения некоторых вопросов (организационного и оперативного характера)», а в Москве останавливались в первый раз — до поездки, потому, что «командующий фронтом должен был быть в Москве для получения указаний по формированию, во второй раз — был обратный проезд из Козлова в Москву, где реализовались все данные после совещания в Козлове». На это же указывает и сам б. командующий Северным фронтом Парский.

Поездка в Пермь тоже должна быть признана необходимой и оправдавшей себя, ибо б. командующий Северным фронтом Парский относительно ее проводит достаточно основательные мотивы и данные. «Посещение штаба 3 армии в Перми дало следующие результаты: мы разобрались в оперативном положении и боевых задачах этой соседней с нами армии, что было совершенно необходимо, т. к. тыл ее в Вятке соприкасался с тылом правого фланга 6 армии (котласское направление), а, имея в виду возможность продвижения англичан к Вятке с севера на соединение с чехословаками, действовавшими против Перми, нам предстояло разрешать как бы общую с 3 армией боевую задачу. Поэтому было крайне важно побывать на месте, ориентироваться во всем необходимом и установить связь со штабом 3 армии. Кроме того, была совместно проектирована граница между районами обеих армий, каковая и была утверждена впоследствии главкомом на заседании в Козлове. Тут же в Перми был выхлопотан необходимый для 6 армии броневой поезд и указанные выше 10.000 пар сапог (см. показания Парского)». В Епифани б. командующий Северным фронтом Парский остановился с целью повидаться со своими близкими родными, с которыми не виделся все четыре года войны. Но неправда, что он пробыл в Епифани только около 5 часов. Генштаба Малышев отмечает, что в Епифани «остановились целый день»; а начштаба Костяев определенно указывает, что останавливались «с 6 часов утра до 8 часов вечера». Посещение Арзамаса и Скопина б. командующий Северным фронтом Парский отрицает. Но на это не указывает также никто из свидетелей.

Поездка началась 29 сентября и закончилась с окончательным приездом в Ярославль, 23 октября. Поездка из Петрограда по фронту продолжалась дней 8 (с 29 сентября по 6 октября), во время которой были посещены Вологда, Вятка, Пермь, Яро-

славль. Потом была предпринята поездка для доклада главкому из Ярославля в Москву — Козлов — Москву — Петроград, продолжавшаяся приблизительно дней 10 (с 7 октября по 16 октября).

В Петрограде остановились дней семь (с 17 октября по 23 октября), где собрали окончательно штаб и выехали в Ярославль.

Итак, совершенная бывшим командующим Северного фронта Парским поездка по фронту и для доклада к главкому не может быть признана ненужной. Но вместе с тем ясно, что она носила слишком затяжной характер, в чем виновен командующий Северным фронтом Парский.

II. По делу о поручении личному секретарю секретных вопросов для выяснения их установлено следующее:

Личный секретарь б. командующего Северным фронтом Д. П. Парского Е. Г. Парская состояла личным секретарем со дня назначения Парского командующим Северным фронтом, т. е. с 15 сентября. В должности было утверждено приказом по штабу фронта. 25 октября сего года (1918 г. — А. Г.) Е. Г. Парская была командирована в Полевую штаб Р. В. С. Р. к начальнику штаба для выяснения следующих вопросов: 1) Командующим 7-й армии предназначается Искрицкий, начальником штаба Медиокрицкий (так в документе, правильно — Медиокритский. — А. Г.). Комиссаров нет. Инструкции даны. Штаб находится в Тихвине. 2) Какова окончательная судьба Псковской и 2-й Новгородской дивизий. 3) Относительно 2-й Петроградской дивизии. 4) В каком положении дело освобождения арестованных в Петрограде офицеров Генштаба. 5) В Олонечкой группе командиром назначен вместо Бурова, Золотухин. 6) Дать общую ориентацию о положении и задачах других фронтов и о силах противника. 7) Каковы наши планы в связи с возможной переменой ориентации Финляндии и наступлении оттуда «союзников». 8) Выдать для Парского подробный мандат. 9) Порядок посылки срочных донесений. 10) Что еще для передачи на Северный фронт. Эти вопросы записаны Генштаба Малышевым со слов Е. Г. Парской для доклада начштаба. Парский в своем показании отмечает, что «все указанные вопросы было поручено моему секретарю передать начштаба Костяеву только потому, что по самому существу этих вопросов требовался не немедленный ответ здесь же на месте через секретаря, а просто напоминание о наших насущнейших нуждах, требовавших скорейшего разрешения. При этом Костяеву было хорошо известно официальное положение Е. Г. Парской как моего личного секретаря и доверенного человека». Это пока-

зание опровергается показанием Е. Г. Парской, которая говорит: «Реввоенсовет фронта командировал меня в Москву для осведомления и выяснения следующих пунктов...». Генштаба Малышев подтверждает это своим указанием: «Я принял Парскую, записав все вопросы с ее слов, на каковые она желала получить ответ». Так что не может быть сомнений в том, что задача Парской состояла не в напоминании, а именно в выяснении и получении ответа.

Что касается существа вопроса, то приходится сказать, что некоторые вопросы носили совершенно секретный характер. Начштаба Костяев в своем показании заявляет по этому поводу: «Секретное постановление Реввоенсовета Республики о 2-й Новгородской дивизии ей было известно. Я был изумлен, откуда у нее эти сведения, она запуталась в ответе и уже потом через Малышева сказала, что она про это постановление слышала в каком-то вагоне, но не от Д. П. Парского, что меня еще больше изумило. Эти сведения были настолько секретны, что о них знали только лица, которых это касалось, и у меня они были только в 2-х экземплярах». Уже этого вполне достаточно для того, чтобы сказать, что личный секретарь был посвящен в секретные дела, к тому же личный секретарь, который не умеет сохранять секреты.

Начштаба Костяев говорит в своем показании: «Она накануне рассказала все Малышеву, а по существу дела она ему рассказывать ничего не могла. По положению к исполнению обязанностей личного секретаря она могла быть допущена, но не в качестве доверенного лица».

Это совершенно правильно. Личный секретарь того или иного должностного лица является лицом неответственным, а потому не может получать заданий, которые по своему секретному характеру не должны быть известны личному секретарю. Этого не мог не знать командующий Северным фронтом Парский, этого не могли не знать те члены Реввоенсовета, с ведома которых происходило это. Ответственность за это они несут не меньшую, чем командующий фронтом.

Кроме того, есть указания на то, что Е. Г. Парская принимала участие или по крайней мере присутствовала на заседаниях Реввоенсовета. Начштаба Костяев отмечает: «Парская присутствовала на всех заседаниях Реввоенсовета Северного фронта, на которых она не могла присутствовать». Более исчерпывающие и вполне заслуживающие доверия показания по этому поводу дает член Реввоенсовета Севфронта тов. Пятницкий. «Она

(Парская) участвовала — вернее присутствовала на заседаниях Р. В. С. Севфронта. Я лично видел ее на трех заседаниях. На заседаниях она, по указанию Парского, делала заметки и давала ему на его вопросы все нужные ему справки. Иногда она даже вмешивалась в прения по вопросам, обсуждаемым на собраниях. Должен заметить, что замечания ее, которые она делала, были незначительными и никакого влияния на обсуждение вопросов, по крайней мере, на тех заседаниях, где я присутствовал, не имели. Мне присутствие женщины, не члена Совета, показалось ненормальным. Я высказал свое недоумение другим членам Реввоенсовета Севфронта, на что те заявили, что это обыкновенное явление, и что она постоянно присутствует на собраниях Совета, ибо она личный секретарь Парского. От них же я узнал, что Парский считает присутствие ее необходимым, мотивируя тем, что она личный секретарь его». Это не отрицает ни Е. Г. Парская, ни б. командующий фронтом Д. П. Парский. Последний объясняет, что «необходимость ее присутствия в то время, как и других членов штаба, обуславливалась спешностью дела, когда у всех было много срочной работы. Приходилось отдавать тут же на месте нескольким лицам разнообразные приказания весьма срочного характера; часть их них я здесь же обыкновенно диктовал своему личному секретарю».

Ясно, что личный секретарь присутствовал на заседаниях Реввоенсовета фронта. В данном случае не столько важна роль, какую она играла или могла играть в том или другом смысле, но порядок на заседаниях совета, точнее система работы на заседаниях совета (присутствие неотчетственных лиц), возглавляемого командующим фронтом. И нельзя же старому, заслуженному военному руководителю оговариваться, что «положения о личных секретарях в то время известно мне не было, и я не помню точно сейчас, было ли оно объявлено к тому времени» (Парский). Парский не мог не знать, что все военные законы, не противоречащие по существу законам Советской России, не вредящие интересам ее, не препятствующие усилению и проведению в жизнь диктатуры пролетариата остаются в силе. Допущенная ошибка в этом отношении не столько требует наказания, сколько свидетельствует о том, что Д. П. Парский занимал несоответствующее положение.

Но к тому же необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство. Начштаба Костяев указывает: «Парская вмешивалась во все. Влияния в смысле оперативном иметь не могла, но в смысле личного подбора штабных служащих имела отри-

цательное значение, причем лучшие идейные работники подвергались косвенному преследованию и фактически старались из штаба уйти».

И это косвенно подтверждается указанием б. командующего фронтом Парского. «Обычная работа ее заключалась... в ведении кандидатских списков, лично мне известных или хорошо рекомендованных доверенными людьми лиц». Ясно, что в руках личного секретаря командующего фронтом были нити, нити, ведущие и направляющие так, что нельзя было отказаться вмешаться в то или другое дело.

Кроме того, судя по показаниям, Е. Г. Парская как личный секретарь командующего фронтом, совершенно не соответствует этому назначению. Тов. Пятницкий показывает: «Елена Григорьевна (Парская) мне в смысле конспирации не внушает никакого доверия, ибо она крайне экспансивна, невыдержанна и вдобавок очень много говорит со всеми, по-видимому, чувствуя потребность крайне нервных натур — говорит очень много. Парский мне говорил, что Е. Г. крайне восприимчива к гипнотизму и является превосходным медиумом». Генштаба Малышев подтверждает это. «Для характеристики Парской могу сказать, что она любит много и со всеми говорить, это я заметил во время нашей поездки по фронтам». Об этом говорит сам собою факт сообщения Парской своих заданий Генштаба Малышеву, которому, по словам начштаба Костяева, «она по существу дела рассказывать ничего не могла». Видно, что Е. Г. Парская была совершенно не подходящей на должность личного секретаря командующего фронтом и совершенно недопустимой в качестве доверенного лица, присутствующего на заседаниях Совета, посвященного во многие секретные вопросы, выполняющего секретные поручения. Но это было личное желание Командующего фронтом, и это делалось с ведома Членов Р. В. С. фронта.

Итак, приходится считать установленным, что Д. П. Парский, будучи командующим Северным фронтом, поручал своему личному секретарю Е. Г. Парской задания, имевшие секретный характер, командировав личного секретаря — в сущности лицо неответственное — в качестве доверенного лица для выяснения этих секретных заданий. Кроме того, личный секретарь Командующего фронтом присутствовал на заседаниях совета. Такой порядок исполнения обязанностей этой должности является явно нежелательным и явно недопустимым, тем более, если принять во внимание характер жены Парского; командующий фронтом Парский поручал личному Секретарю — жене своей секретные зада-

ния для выяснения их, допуская присутствовать на заседаниях Совета фронта, зная при том, еще и характер жены, подвергая опасности военные тайны.

III. По делу о передаче командующему Северным фронтом директивы за № 259 по всем адресам выясняется следующее. Директива командсева за № 259 о переходе 7 армии в наступление была передана, как видно из заявления, по следующим адресам: Петроград, Штаокр командарму 7, Вологда командарму 6, копии — Серпухов главкому, Смоленск командзапрайона, Арзамас командвостфронта, Козлов командюжфронта, Петроград наморси и военкомпет. Директива была принята в Вологде дежурным по штабу Федоровым, в Серпухове — дежурным по штабу Васильевым, в Петрограде — дежурным комиссаром Мухиным, в Москве — дежурным комиссаром Погуторовым. Из сказанного видно, что директива оперативная — о наступлении 7 армии, совершенно секретного характера, была передана также и тем лицам, кому она не подлежала знать (так в документе. — А. Г.) по оперативным действиям. Тов. Пятницкий по этому поводу указывает: «Дм. П. Парский настаивал на том, что все оперативные директивы должны быть сообщены всем фронтам, что только в этом случае может быть необходимая координация действий, что мы всегда страдали оторванностью от других фронтов и что неосведомление об оперативных задачах всех фронтов — есть грубая ошибка». Командсев Парский подтверждает это в своем показании.

«Передача директивы была сделана на основании требования устава полевой службы, изд. 1912 г. §§ 24–26», «в целях общей ориентировки». Не будем возражать против осведомления соседних по оперативным действиям армий, но общая ориентировка, безусловно, должна зависеть от центра.

И нельзя в данном случае, как и вообще в подобных случаях, придерживаться мертвой буквы, устава полевой службы 1912 г., но нужно руководствоваться принципом целесообразности. Необходимо понять те условия, в каких приходится вести войну пролетариату Советской России, окруженной врагами не только извне, но и *изнутри*. Поэтому каждый неосторожный шаг грозит ударом в спину. Это должен был знать командсев Парский, принимая на себя ответственный пост командующего фронтом. Нельзя усмотреть целесообразности в передаче упомянутой оперативной директивы по девяти адресам при данных условиях.

Нельзя не обратить внимания также на факт предупреждения со стороны других должностных лиц штаба Севфронта. Нашта-

сев Доможиров докладывает: «По поводу рассылки директивы по многим адресам докладываю, что об этом в заседании Реввоенсовета вопрос мною был поднят, но ему не придали должного внимания. Член Р. В. С. Севфронта Пятницкий докладывает, когда я указал Д. П. Парскому, что мы должны ограничиться осведомлением только одного, в крайнем случае, двух фронтов, то мне на это было отвечено, что моя точка зрения ошибочна, что мы всегда страдали оторванностью от других фронтов...»

Кроме того, способ передачи директивы не всегда гарантирует сохранение тайны ее. Совершенно правильно директива была передана дежурным по штабам — ответственными лицам. Но директива по своему характеру могла быть передаваема только доверенным лицам. Дежурный по штабу таковым не является. Кроме того, директива в Смоленск и Козлов была передана через комиссара главной телеграфной конторы гор. Москвы, т. е. еще через третье лицо, когда не видно насущной необходимости передавать по этому адресу.

Итак, передачу командсев Парским оперативной директивы за № 259 по многим адресам и не вполне секретным порядком, приходится признать нецелесообразной. Конечно, в совершении данного факта не видно злого умысла, проявляется в нем лишь старый уклад мысли, не усвоившей и может быть не способной усвоить смысл и условия борьбы пролетариата. Но все-таки б. командсев Парский является ответственным за это, как человек облеченный доверием Советской России и выдвинутый ею на передовые посты. Ответственным [и] являются и те члены Р. В. С. Севфронта, которые допустили такие действия командсева.

IV. По делу о нарушении приказа главкома о направлении Юрьевского полка выясняется следующее. Согласно директивы главкома за № 259/III Юрьевский полк из состава 6 армии следовало направить в Ямбург. Командсев Парский распорядился направить Юрьевский полк вместо Ямбура на ст. Званка по следующим соображениям: 1) «Так как командующим армиями Северного фронта, а, следовательно, и ответчиком за его действия являюсь я, то я и счел вправе распорядиться этими войсками по своему усмотрению в зависимости от обстановки для выполнения тех боевых задач, которые были мне поставлены»; 2) «Фронтных резервов у меня вовсе не было, а, между тем, предстояла боевая операция со всеми ее случайностями, и я должен был во что бы то ни стало образовать свой резерв. Целью этого моего распоряжения о Юрьевском полке и было об-

разование группы фронтового резерва на ст. Званка, в пункте которому я придавал чрезвычайно важное значение, учитывая большую угрозу, могущую всегда возникнуть по отношению к тылу 7 армии со стороны Финляндии» (Парский). Дальше в своем объяснении командсев Парский, основываясь на уставе полевой службы 1912 года добавляет: «Считаю себя вправе распоряжаться войсками фронта, вверенными мне, по своему усмотрению, в зависимости от склада боевой обстановки и тех общих задач, которые ставит мне высшее командование. Если бы я ограничился слепым, т. е. только дословным исполнением приказаний, то считал бы, что этим нарушил дух основного воинского закона и моя роль — роль доверенного и ответственного распорядителя на фронте, — свелась бы лишь к точной передаче приказаний, получаемых сверху» (Парский).

В общем, против этого возражать не приходится. Высшее командование указывает намеченную цель, дает определенную задачу, а решение задачи предоставляется командованию фронта. Но этим не исключается право высшего командования, кроме цели и задачи, в отдельных случаях давать распоряжения применять те или другие средства для выполнения определенной задачи и достижения намеченной цели, право перегруппировки и переброски войск из одного фронта на другой и даже в определенном направлении и на определенный пункт в зависимости от склада общей войсковой обстановки. Высшее командование имеет в виду именно общее положение, общую обстановку, руководствуется необходимостью и целесообразностью в общем масштабе, поэтому нельзя пренебрегать определенными его указаниями и распоряжениями ради отстаивания прав самостоятельности. Это можно отнести именно к данному случаю. Это должен был знать и понять командсев Парский.

К тому же вопрос о необходимости направления Юрьевского полка именно на ст. Званку получает другой характер. Начштаба Севфронта Доможиров в своем докладе указывает: «Получив снова утвердительное распоряжение, я вторично доложил, что опасность со стороны Олонецкого перешейка и Финляндии в данное время невелика, особенно со стороны Финляндии, что Юрьевский полк численно настолько мал, что он, безусловно, не выполнит задачи фронтового резерва, что главком имел его в виду по всей вероятности использовать на важнейшем нашем направлении, как простое подкрепление слабым частям 7 армии». На это было указано им и членом Реввоенсовета т. Пятницким при первом обсуждении этого вопроса.

Итак, направление Юрьевского полка командсев Парским на ст. Званка, а не в Ямбург, приходится признать нецелесообразным, тем более, что этим было изменено определенное распоряжение главкома о переброске полка в Ямбург, которое в данном случае исполнить было необходимо. Вторичное распоряжение о переброске полка в Ямбург было исполнено, но разноречивость приказаний вызывала «болтание» полка между Званкой и Петроградом. Ссылка на устав полевой службы в данном случае неуместна. Не приходится усматривать в этом поступке преступления Государственного значения против Советской власти, преступления, повлекшего за собой тяжкие последствия, ибо совершение такового не было допущено. Но приходится усмотреть то, что Д. П. Парский, как командующий фронтом, не оправдал доверия Советской власти, не понял возложенных на него Советской Россией задач.

V. По делу о приглашении в штаб Севфронта С. Ф. Кичкина выясняется следующее. Б. командсев Парский по этому поводу дает следующее объяснение: «Я особенно старался тщательно подобрать, хотя бы часть работников в штаб фронта из числа людей, хорошо известных мне по прежней службе или, по крайней мере, хорошо рекомендованных товарищами, пользующимися моим безусловным доверием. Поэтому я пригласил на ответственную должность казначея штаба С. Ф. Кичкина, которого хотя и знал лично мало, но слышал о нем много весьма хорошего, как о человеке высокой честности, весьма опытным и способном к ведению денежных и хозяйственных дел». Скопинская уездная Чрезвычайная Комиссия сообщает совершенно другое. Уведомляя Р. В. С. Республики о предстоящем поступлении на службу в Реввоенсовет Севфронта кадетов группы г. Скопина, Павла и Сергея Федоровича Кичкиных, Ч. К. указывает, что упомянутые кадеты были взяты заложниками от г. Скопина, что «они вели себя открыто, как главари местной кадетской группы и игнорировали распоряжения Советской власти и несочувственно относились к Красной армии». Б. Командсев Парский свидетельствует, что ему совершенно неизвестно, каковы его отношения к Советской власти, но что ему приходилось слышать, что он отнюдь не принадлежит к числу контрреволюционеров.

В своем сношении председателю Рязанской Губчрезком от 26 октября б. командующий Северным фронтом Парский указывает, что «Реввоенсовет фронта предназначил С. Ф. Кичкина на одну из должностей в штаб и что телеграмма Реввоенсовета сегодня посылается». В своем показании он отрицает это, говоря,

«приглашение С. Ф. Кичкина на службу в штаб фронта исходило исключительно от меня, а не от Реввоенсовета».

Уже из сказанного ясно, в какое противоречивое положение попал б. командсев Парский. Все-таки невозможно усмотреть злого умысла или же цели окружать себя противниками Советской власти в приглашении в штаб Кичкина, но это указывает на грозную неосторожность в приеме ответственных лиц в штаб Северного фронта.

Заключение: Из всего изложенного можно усмотреть следующее. Обезд частей и штабов войск, расположенных на фронте, нельзя признать ненужным, но все-таки вся поездка в совокупности, включая поездку для доклада Главкому, была слишком продолжительной. Дальше, поручая своему личному секретарю важные и секретные задания для выяснения их, передавая оперативную директиву за № 259 по многим адресам и не вполне секретным порядком, приглашая в штаб Кичкина, скопинского кадета, б. командсев Парский проявил недопустимую неосторожность, а, направляя Юрьевский полк вместо Ямбурга на ст. Званка и, таким образом, не исполняя директивы высшего командования, проявил непонимание политики Советской власти, предполагая развить военные действия с Финляндией. Конечно, нельзя усмотреть во всем этом злого умысла б. командсева Парского или его желания вредить интересам Советской России. Но это показывает, что Д. П. Парский как команд. фронтом не соответствовал своему назначению и, таким образом, не оправдал доверия Советской России.

«31» января 1919 г.
Военный следователь
Революционного военного
трибунала Республики
Ад. Анскин

РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 33. Л. 2-7об. Подлинник. Машинопись с правкой красными чернилами. В спорных местах документ сверен с рукописным вариантом (Там же. Л. 8-16об.) с исправлением ошибок машинописного набора.